Ч. 10. Львôвъ дня 15. (27.) Мая 1880. Р. X.

РУСКІЙ СІОНЪ

О БРАЦТВАХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ*).

I.

Становище душпастыря въ брацтвѣ церковнôмъ.

Брацтво церковне пôдлягае церковнои власти своего Архіпастыря при посредничествѣ дотычного декана и мѣстного душпастыря, который есть душею якъ парохіи такъ и брацтва церковного на христіанске, побожне и честне житье, и на тіи особнї честноты любви христіаньской, которї собѣ брацтво церковне постановило за свою задачу. Зъ того погляда прислужаютъ душпастырю слѣдуючї преимущества:

1. Онъ пріймае до брацтва церковного чиномъ церковнымъ ведля требника изданного во Львовѣ, 1873.

2. Душпастырь вглядае въ употребленье маетку брацтва церковного и бурсы, ухваленое черезъ собранье брацтва, або черезъ выдѣлъ брацкій, щобы ôтповѣдало статутамъ.

3. Душпастырь надзирае науку пѣнія церковного въ бурсѣ и ей зарядъ, щобы въ ней перестерегало ся религійне и обычайне поведенье.

4. Брацтво церковне и выдѣлъ тогоже росправляютъ, голосуютъ и ухваляютъ свободно: однако душпастырь може выконанье ухвалы затримати до высшого рѣшеня декана або самого высокопреосвященого Архіпастыря, но якъ душпастырю такъ и брацтву и выдѣлови тогоже свободно есть, ôткликатися до реченого высшого рѣшеня.

5. До принятія слугъ церковныхъ або ôтдаленя ихъ, именно дяка, парамонаря, дѣда, грабаря, прислугуе пароху право за порозумленьемъ съ выдѣломъ брацкимъ або собраньемъ брацтва, понеже дякъ и парамонарь заступаютъ низшї священническї чины, которї священникъ при рукоположеню отримуе, и ôнъ долженъ успособленье ихъ до такихъ цер. урядôвъ оцѣняти, и о выполненье сихъ чинôвъ дбати, понеже

*) Брацтво церковне въ Золочевѣ предложило Всесв. Митропол. Ординаріатови свои Статута (уложенї на пôдставѣ статутôвъ брацтва св. Николая въ Станиславовѣ) до потвердженя. Всесв. Митроп. Ординаріатъ потвердивши тіи статута додавъ еще свое дополненье, котре подаемъ до общой вѣдомости, понеже оно може и повинно бути руководствомъ для всѣхъ церковныхъ брацтвъ.

самъ яко священникъ высшій чины справуючи, не може въ тôмъ самôмъ часѣ обовязанности и низшихъ чинôвъ выполняти, для того самъ долженъ заступитися людьми до того здôбными.

6. Брацтво церковне и поодинокій члены его повинній водитися къ отцу душпастырю духомъ чести и любви, и за его честь уйматися; но и Отецъ духовный мае якъ съ всѣми парохіанами такъ и съ членами брацтва церковного по отечески проживати.

II.

Становище брацтва церковного и поодинокихъ братей церковныхъ.

Въ церквѣ христовой потребно розрôжняти *духовеньство и міряновъ*, або свѣтскихъ людей. Но тая рôжниця неповинна до того простиратися, щобы тогда, коли говорится о церквѣ, мало розумѣтися тôлько духовеньство, будь-то бы церковне житье тôлько на духовеньство ограничалося и мірскихъ людей не обходило. Якъ духовеньство такъ и міряни повинній уважати себе яко членôвъ церкви, и розумѣти тое, *що всяке добро церкви есть такожъ ихъ вспôльне добро, и що всяке зло церкви есть такожъ ихъ вспôльне зло;* що на кождôмъ христіанинѣ, чи духовнôмъ, чи мірскôмъ, отже и на членахъ брацкихъ тяжитъ повинноость, причинятися до добра церкви, а ôтдаляти ôтъ церкви всяке зло, понеже члены одного тѣла не могутъ не сочувствовати для другихъ членôвъ тогоже тѣла, якъ пише св. Павелъ: *„Аще страждетъ единъ удъ (членъ): съ нимъ страждутъ вси уды. Аще ли славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уды.“* (1. Кор. 12, 26.) Наука церковна, катихизація, набоженьство церковне, которого верхъ становитъ *Служба Божа (литургія)*, чины св. Таинъ, благословеній и освященій церковныхъ, молитвы, побожне, честне, працёвите, господарне, тверезе, ощадне христіанске житье на науцѣ и на ласцѣ Божой повинній становити святе одолженье для кождого христіанина чи духовного чи мірского.

Задача брацтва церковного *не есть инша, а есть тая сама, до якой обовязанній суть вси парохіани*: брацтво же церковне отличаеся ôтъ другихъ парохіанъ тôлько тымъ, що оно удвояе, утрояе свою ревность христіанску, щобы давати зъ себе примѣръ и заохоту дѣломъ и словомъ до честного христіанского житя на всю парохію якъ учитъ Христосъ: *„Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.“* (Мат. 5. 16.) *„Ищите* (шукайте), *прежде царствія Божія и правды* (праведности) *его, и сія вся* (потребна для житя земского) *приложатся вамъ.“* (Мат. 6, 33.) Така высота честного христіанского житя есть порукою такожь житя земского; коли противно грѣхами ту и на другôмъ свѣтѣ себе человѣкъ погубляе.

При помянутôй *загальнôй* задачѣ якъ всѣхъ парохіянъ такъ и брацтва церковного може заходити такожь *особна задача, заниматися такими честностями христіанскими, которій суть особливо на часъ и на потребѣ.* Якъ въ кождôмъ вѣцѣ давалися чути особній потребы христіанскій напротивъ тогда перемагаючихъ грѣхôвъ, которыми люде

себе мучили, такъ также выступали подвижники, поборники, ревнителѣ, мученики христіанскѝ, которѝ попри другимъ честностяхъ христіанскихъ власно такими честностями христіанскими занималися, якѝ були противнѝ перемагаючимъ грѣхамъ тогдашного часу.

Зъ того погляду выходятъ въ нынѣшныхъ часахъ сіи особливѝ повинности якъ всѣхъ христіанъ, такъ особливо братства церковного:

1. Ревновати для едино спасительной вѣры и церкви христіанско-католической, также для свого греческо-католического, славяньского обряда ведля декрету св. конгрегаціи о роспространенье св. вѣры для справъ восточного обряда, даного по рѣшеню б. п. *Пія Папы IX.* въ Римѣ дня 6. октоврія 1863, щобы триматися свого обряда. Якъ ведля законôвъ церковныхъ суть особнѝ діецезіи, особнѝ парохіи и розличнѝ обряды; такъ кождый вѣрный христовый повиненъ триматися своей діецезіи, своей парохіи, своего обряда, свое власне свято хоронити, а на инше не наступати.

2. Объявляти побожнôсть *прилѣжностію для церковного и домашного набоженьства.* При церковнôмъ набоженьствѣ мае братство ведля звычая служити съ свѣтломъ яко знакомъ (звычайно въ недѣли и свята двома або четырома свѣчками, тôлько при походахъ церковныхъ т. е. процесіахъ и при похоронахъ съ численнымъ свѣтломъ) свѣтити, честнотами христіяньскими. Также мае братство церковне для набоженьства церковного старатися о харнôсть, чистôсть и украшенье храма Божого, о украшенье для звычайныхъ и надзвычайныхъ чинôвъ обрядовыхъ, о сосуды и ризы церковнѝ, о книги для набоженьства церковного, о хорухви, о свѣтло церковне, о бѣлизну церковну, о звонницю и звоны, о чистôсть, харнôсть и належитое утриманье цминтарôвъ.

3. Стародавнѝ статуты брацкѝ приписовали, а и теперь тяжитъ на братствѣ церковнôмъ обовязокъ, щобы що рôкъ отправлялися на выдатокъ его двѣ службы Божѝ за всякое прошенье для живыхъ членôвъ брацкихъ, а двѣ службы за почившихъ братей.

4. Якъ ведля стародавныхъ статутôвъ брацкихъ такъ и теперь обовязаннѝ суть члены братства церковного, если не бôльше то четыры разъ до року исповѣдатися и причащатися и такъ въ собѣ побожне, праведне, святе житье напротивъ грѣхôвъ, живити и крѣпити, абы со св. Апостоломъ Павломъ кождый мôгъ также о собѣ сказати: „*Живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ.*“ (Гал. 2, 20.)

5. Въ пожитю своемъ домовôмъ и съ инными ближними своими обовязанѝ суть братя церковнѝ спокойно, тихо, скромно, стыдливо, лагôдно проживати, уникаючи проклинаня, сварнѣ, бійки, злопамятства, мстительности, напасти и всякой крывди.

6. Особливо же повиннѝ братя церковнѝ просвѣщати другихъ *дѣлами милости христіанской къ души и къ тѣлу ближняго належачими,* мати на оцѣ обычайнôсть и науку молодежи, старатися о дѣти осироченѝ, о наверненье грѣшникôвъ до честного житя, о заосмотренье старыхъ, калѣкъ, жебракôвъ, о помôчь хорымъ, особливо щобы були *св. Тайнами на смерть заосмотренѝ, и о погребанье* умершихъ именно бѣдныхъ, а въ погребаню *умершихъ братей* повинно братство церковне участвовати съ свѣтломъ брацкимъ, хоронячися ôтъ такъ званыхъ

*

консоляцій полученыхъ съ напитками, бо за померших подобае молити ся.

Ту еще пôднести подобае старанність брацтва церковного о тыхъ нещастныхъ, которй ôтбувши кары вязницѣ за своѝ збродиѣ, абы ихъ не допустити до дальшихъ збродней, и длятого щобы имъ допомагати до честного заробку. (Конецъ слѣд.)

Недѣля о слѣпородженномъ.

Слово св. Отца нашого Іоанна Златоустого. (Изъ LVIII. бесѣды на Еванг. Іоана.)

И изгнаша (фарисеи) *его* (слѣпого) *вонъ*. (Іоан. 9. 34.)

Видишь, якимъ проповѣдникомъ правды бувъ прозрѣвшій слѣпецъ, якъ нищета не була перепоною къ любомудрію? Видишь, скôлько ôнъ выслухавъ ôтъ фарисеевъ хитрыхъ рѣчей, скôлько перенесъ, якъ свѣдчивъ и словами и дѣлами? А то написано длятого, щобы и мы подражали сему. Бо если нищій, слѣпый, николи не видѣвшій Христа показавъ таку ôтвагу, що противоставъ цѣлому народу, розъяреному, дышачому убійствомъ, бѣснуючомуся, желавшому изъ его слôвъ осудити Христа и не тôлько не ôтступивъ и не ôтклонився, но съ великою смѣлостію заткавъ имъ уста и волѣвъ бути изгнанымъ, нежели предати правду: чижь не тôмъ бôльше повиннѝ мы, котрѝ такъ довго жіемъ въ вѣрѣ, видимъ черезъ ню такъ многѝ чудеса, получили бôльшѝ добродѣйства ôтъ него — и прозрѣли внутренными очами, и оглядаемъ невысказанѝ таинства, и призванѝ до такъ великои славы — чижь не тôмъ бôльше повиннѝ мы стояти за Него со всякою смѣлостію противу тыхъ, котрѝ покушаются нападати на Христіанъ, и говорити що будь на нихъ — чижь не тымъ бôльше повиннѝ мы затыкати имъ уста, и не щадити ихъ? Но здѣлати мы то можемъ лишь тогды, коли будемъ и ôтвагу мати, и уважати на св. письмо, а не слухати его розсѣяно. Бо если кто буде старанно приходити сюда, и уважати на то, що ту читаеся, тому, хотяйбы ôнъ дома и не читавъ его, одинъ рôкъ достаточный, щобы позыскати въ немъ велику опытнôсть; длятого, що мы не сегодня одно, а завтра друге писанье читаемъ, но постоянно одно и то само. Однакожь многѝ знаходятся въ такôмъ жалкôмъ положеню, що, не зважаючи на часте читанье, не знаютъ даже назвы книгъ (священныхъ), и не встыдаются, и не боятся съ такою недбалостію приходити въ сю Божественну школу. Но коли музыкантъ, або другій кто прикличе на зрѣлище, тогды съ охотою всѣ бѣжутъ, дякуючи за запрошенье и половину цѣлого дня проводятъ, слухаючи его одного. А коли Богъ черезъ Пророкôвъ и Апостолôвъ бесѣдуе до насъ, то мы зѣваемъ, нудимся и дрѣмаемъ. На уѣждзальняхъ, где нема ни даху закрываючого ôтъ дощу, при сильнôмъ вѣтрѣ, котрый брызгае водою въ очи, многѝ стоятъ упорно, не зважаючи ни на холодъ, ни на дощь, ни на болото, ни на ôтдаленôсть дороги, и ничо не удержуе ихъ дома, не взбороняе туда приходити. А сюда, где

закрывае дахъ, где пріятна теплота, не хотятъ приходити и не сбираются, и то коли дѣло иде о пожитокъ власной души. Въ лѣтѣ, коли красно идутъ на торгъ, а въ зимѣ вымавляются снѣжницею и морозомъ. Чижь можна то стерпѣти, скажи менѣ? И не только виджу я такихъ безумцѣвъ межи молодыми, но и межи старыми; за нихъ особенно встыдаю ся, коли виджу, що человѣкъ украшеный сивымъ волосёмъ соромитъ сѣдины свои и тягне съ собою дитя. Що може бути смѣшнѣйшимъ ôтъ сего? Сынъ учится злого у отца! И по тôмъ всѣмъ говорятъ: що въ тôмъ шкодливого, и яке зло? О семъ то и я вздыхаю, що вы и шкодливого ту ничь не видите, и не чувствуете зла. Богъ даровавъ тобѣ жизнь для того, щобы ты служивъ Ему; а ты, на дармо марнуешь часъ и безъ всякого пожитку — и пытаешься еще: що въ тôмъ шкодливого? Если ты стратишь хотяйбы кôлька крайцарôвъ безъ пожитку — чижь не называешь ты то зломъ? А коли цѣлй дни губишь на сатаньскй забавы, думаешь, що не дѣлаешь ничого нерозсудного? Ты повиненъ всю свою жизнь посвящати на молитвы и Богослуженье, а ты на крикъ, на шумъ, на безвстыднй розговоры, на споры, на непотребнй увеселеня тратишь свою жизнь надармо и въ шкоду собѣ, и еще пытаешься, що въ тôмъ шкодливого? Чижь не знаешь, що бôльше надъ все належитъ шановати часъ? Грошй если ты стратишь, можешь знову позыскати, а если згубишь часъ, трудно его повернути; бо не много есть намъ назначено для теперѣшной жизни. Длятого если мы не на должное употребимъ его, то що скажешь ôтôйшовши зъ ôтси? Скажи менѣ, еслибы ты приказавъ сынови твому учитися, а ôнъ всегда лишавбыся дома, або проводи въ той часъ еще где нибудь; чи не вырêкъ быся его учитель? Не сказавъ бы ôнъ тобѣ: ты зробивъ со мною умову и назначивъ часъ; но если дитя намѣрено проводити той часъ не у мене, а въ другôмъ мѣстци; то якъ я представлю тобѣ его обученнымъ? То само можна сказати и въ ôтношеню до насъ. Скаже и намъ Богъ: я давъ вамъ часъ для того, що бы вы научилися той науки — богочестія; длячогожь вы змарнували сей часъ безъ пожитку и безъ дѣла? Для чого не ходили часто до учителя и не уважали на то, що ôнъ говоривъ? А що Богочестье точно есть наукою, слухай що говоритъ Пророкъ: „*Пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ.* (Пс. 33, 12.) и еще: „*Господи, и отъ закона Твоего научиши его.*“ (Пс. 93. 12.) И такъ, если ты змарнуешь часъ безъ пожитку, то яке будешь мати оправданье? Но длячого, говоришь, Богъ назначивъ намъ мало часу? Яке безчувство и яка невдячнôсть? За що особенно належитъ благодарити — именно, що Богъ труды прикоротивъ, и уменшивъ тобѣ клопотôвъ, а здѣлавъ успокоенье продовжительнымъ и безсмертнымъ — на то само ты жалуешься и негодуешь! И такъ оставивши всё прочее, посвятѣмъ себе выученю богочестія. Такимъ дѣломъ и мы черезъ васъ осягнемъ радôсть и веселôсть, будемъ почтенй и получимо за се заплату, а вы пріймете повну нагороду. И не тамъ лише пріймете нагороду, но и ту еще получите правдиве насолодженье, бо така честнота, кромѣ вѣнцѣвъ тамъ, она и ту устрояе для насъ пріятну жизнь. Убѣдѣмся же сказанымъ, дабы ту и тамъ получити благая по благодати и человѣколюбію

Господа нашого Іисуса Христа, съ котрымъ Отцу со св. Духомъ слава во вѣки вѣкôвъ. Аминь.

Вознесенье Господне.

Слово св. Отца нашого Іоанна Златоустого.

(Изъ бесѣды на Вознесенье.)

Нынѣ часъ, братя, повторити намъ въ веселію сердця слова Пророка: *Благословенъ Богъ.* Бо николи мы не мали бôльше причинъ голосити хвалу Господеви всяческихъ и взывати ôтъ сердця: *„кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы его?“* (Псал. 105. 2.)

Нынѣ Іисусъ Христосъ, котрого смѣло можемъ называти начаткомъ естества нашого, взноситсся на небо; нынѣ Онъ иде роздѣлити съ Отцемъ вѣчный престолъ его — примирити слугъ съ ихъ Владыкою и установити наконецъ совершенный миръ межи землею и небомъ! Побѣду, одержану Нимъ надъ адомъ, нагороды, полученй Нимъ за такъ многй подвиги, вѣнцѣ безсмертія, наконецъ — славу, котрою Онъ окруженъ на небѣ — всё се Онъ предкладае кождому зъ насъ роздѣлити съ Нимъ. И такъ радуймося и торжествуймо, видячи Іисуса Христа — начатокъ естества нашого вознесшогося на небо, и посадившого съ собою наше естество въ лици своемъ на престолѣ по правицѣ Бога Отца!

Въ самôмъ дѣлѣ, братя, если великій пророкъ называе блажеными тыхъ, котрй маютъ *племя въ Сіонѣ и южики въ Іерусалимѣ.* (Ис. 31. 9.) то чижь не маемъ мы о много бôльше причинъ радоватися и торжествовати, видячи начатокъ естества нашого вознесшогося на небо и засѣвшого на царскôмъ престолѣ, котрый мы колись-то нещастно утратили? Розважте и видите, якъ велика благость Божа, и якъ несказанй тайны Его промыслу о насъ, котрыхъ вѣроломство діявола лишило рая. Онъ не тôлько выбавивъ насъ ôтъ проклятія, но и вознесъ на найвысшій степень достоинства. Недавно мы були недостойнй и рая земного, а теперь найденй достойными заняти перве мѣстце на небѣ; недавно еще естество наше служило за игралище демоновъ, а нынѣ небеснй воинства съ набожностію преклоняются предъ нимъ. О щаслива и благополучна завистъ ворога нашого! скôлько благъ ты доставила намъ! Тобѣ завдячуемъ мы таке свѣтле безсмертіе! Жерело нашихъ нещасть сталося теперь жереломъ всякой щасливости! Якъ велика должна бути теперь ярость діявола! Бо если блага земнй, котрыми насолоджалися прародителѣ нашй, коли-то взбудили въ немъ завистъ, то що терпитъ ôнъ теперъ, коли естество человѣческе здѣлалося предметомъ поклоненя на небѣ? Великй, безъ сомнѣня великй и значнй були тй блага, котрй мы утратили, но незрôвнано высшй и невисказанй тй, котрй дарованй намъ теперь. Мы були недостойнй и земли, а теперь вознесенй на небеса и посадженй на престолѣ вѣчного Бога; и — той самъ Херувимъ, котрый назначенъ бувъ выгнати зъ раю естество человѣческе, съ набожностію преклоняеся теперь передъ нимъ. Мы були

передъ очами Божими сынами гнѣва и отвращеня, а теперь наименованй чадами Божими, — що я говорю чадами Божими? наслѣдниками Божими, даже бôльше, — сонаслѣдниками Христу! Вотъ длячого я сказавъ, що намъ даровано теперь о много бôльше, нежели мы утратили.

При видѣ такого благоволеня Божого къ намъ, стараймося, братя, зъ своей стороны благодарити Бога, проводжаючи жизнь чисту и бнзукоризнену. Онъ прославивъ насъ и вилявъ на насъ богато своей милости; — старайможь ся добрыми дѣлами и святою жизнію расположити еще бôльше Его милосердіе для насъ, стараймося прилѣжно о поправу нашого житя, щобысьмо позыскали черезъ то благодать св. Духа. Тогды тôлько мы будемъ непреодолимй, безпечнй ôтъ всѣхъ стрѣлъ и напастей демонскихъ и спосôбнй до самôй возвышеной честноты. Стараймося, при помочи св. Духа, свято проводити часъ теперѣшнои жизни, щобысьмо сподобилися потôмъ благъ будучого вѣка, и сталися достойными царства небесного, котре уготоване намъ безприкладною благостію Искупившого насъ найдорожшою кровію своею и Свободившого насъ отъ довголѣтной неволи ворожой; котрому съ Отцемъ и св. Духомъ слава, честь, держава и поклоненіе нынѣ и во вѣки вѣковъ Аминь.

Слово въ Недѣлю 7. по Пасцѣ.

Слово св. Іоана Златоустого (Изъ LXXXVIII. бесѣды на еван. Матѳея).

Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога. (Іоан. 17. 3.)

Всё щастье Христіанина и всё духовне утѣшенье его, вся надѣя спасенія и самое спасеніе, всё ожиданье вѣчнои жизни и сама жизнь вѣчна состоитъ въ тôмъ однôмъ, щобы знати Бога. Най кто якй хоче вышукуе способы до осягненя вѣчныхъ благъ небесныхъ, никто не знайде лучшого и совершеннѣйшого способу ôтъ того, котрый состоитъ въ пôзнаню Бога. *Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога.* О якъ жежь нещасливъ той, кто Бога свого, Творца свого, Спасителя свого або мало знае, або совсѣмъ не знае и знати не стараеся!

Вы певно скажете: мы Христіане, знаемъ Бога, вѣруемъ въ Него и покланяемся Отцу, Сыну и Святому Духу, въ Тройцѣ единому Богу. Хвалю таке христіанске и правдиве ваше Богопознанье и вѣру и Богопочитанье; однако скажу смѣло, що не всѣ мы, знаючіи Бога, истинно знаемъ Его, многй зъ насъ лише повидимому знаютъ Его, а на самôмъ дѣлѣ совсѣмъ не знаютъ.

Два суть способы Богопôзнаня, люб.! — вѣра и любовь. Познаеся Бога вѣрою по словамъ Апостола: *Вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ глаголомъ Божіимъ.* (Евр. 11. 3.) Познаеся Богъ и любовію, якъ говоритъ самъ Господь въ Евангелію: *„Любяй мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и азъ возлюблю, и явлюся ему самъ.“* (Іоан. 14. 21.) Сіи оба способы пôзнаня Бога и осягненя жизни вѣчной дуже хо-

рошй; но первый спосôбъ — любовь, всецѣло совершенный. Правдивый спосôбъ — вѣра — бо *безъ вѣры не возможно угодити Богу* и спастися: *иже вѣру иметъ и крестится спасенъ будетъ.* Не правдивый спосôбъ вѣра, — бо и бѣсы вѣруютъ, а такой суть бѣсами, хотяй вѣруютъ и трепещутъ. И такъ много насъ въ семъ св. храмѣ вѣруючихъ Христiанъ; но Богъ знае, кто зъ насъ вѣрою осягне жизнь вѣчну. А любовь есть всегда правдивый спосôбъ пôзнаня Бога: *любы николиже отпадаетъ* говоритъ св. Апостолъ. Вѣра знае, що есть на небѣ Богъ и вся земля Нимъ исполнена: *вездѣ сый и вся исполняяй.* Такъ и бѣсы вѣруютъ, и знаютъ надъ собою Бога, караючого ихъ вѣчною карою. А любовь не лише знае, що есть Богъ, но и то знае, якiй Богъ: *коль благъ Богъ Израилевъ.* (Пс. 72. 1.)

Одного разу запытався Господа Iисуса одинъ изъ законоучителѣвъ жидôвскихъ искушаючи Его: *Учителю, кая заповѣдь больши есть въ законѣ?* Отповѣдае Господь: *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслiю твоею: сiя есть первая и большая заповѣдь.* (Мат. 22. 36.) Длячого Господь ничого не говорячи о пôзнаню Бога передъ всѣмъ предкладае жидамъ науку о любви Божой! Може бути Жиды уже знали Бога, а тôлько любви имъ не доставало, и длятого Господь не вспоминаючи о пôзнаню Бога, учитъ зъ самого початку о любвѣ? Но св. Ап. говоритъ: *аще быша Господа познали не бѣша Господа славы распяли.* (1. Кор. 2. 3.) Въ другôмъ мѣстци самъ Господь жалуеся на нихъ: *Израиль Мене не позна, и людiе мои не разумѣша мене.* (Ис. 1. 3.) Длячогожь не говоритъ имъ Господь, первая заповѣдь есть знати Бога, а потôмъ любити Его? Св. Iоанъ Златоустъ такъ ôтповѣдае на то: „не сказавъ Христосъ, пôзнай Бога твого, но возлюби его; бо кождый, котрый любитъ Бога ôтъ всего сердця, не може не прiйти до пôзнаня Сына его; сама бо любовь Божественна, въ немъ суща, просвѣщае его.“ Вотъ для чого заповѣдь о любви перша есть передъ заповѣдiю о пôзнаню; бо за любовiю слѣдуе пôзнанье Бога, а не за пôзнаньемъ любовь. Длятого и Боголюбецъ св. Царь и Пророкъ Давидъ, желаючи преподати людямъ правдиве пôзнанье Бога и привлечи до Него особенными щедротами его, говоритъ такъ: *„вкусите, и видите, яко благъ Господь“* (Пс. 32. 9.) т. е. ôтвѣдайте перше, а тогды узнаете, що благъ Господь. А если перше любовiю не вкусите, то не можете дôйти до пôзнаня его. Зъ ôтси видно, що той лише правдиво знае Бога, кто правдиво Его любитъ.

Думаю, що и ту не одинъ зъ вѣрныхъ Христiанъ, хотяй въ мысли своей, скаже на то: „Я люблю Господа мого, борони Боже, щобы я его не любивъ!“ Но не кождый любитъ Бога, кто говоритъ о собѣ, що любитъ его; той лише любитъ Бога, кто любитъ его правдиво. По чемъ же пôзнати, чи кто правдиво, або не правдиво любитъ Бога?

Тамъ видна неправдива любовь къ Богу въ Христiанинѣ, где сотворѣнье порôвнуеся съ Сотворителемъ, або бôльше сотворѣнье, нежели Творецъ почитаеся; тамъ видна правдива любовь, где одинъ Сотворитель надъ всё сотворѣнье любится и предпочитаеся. Сей правдивый знакъ любви Божой указавъ возлюбленный ученикъ св. Iоанъ Богословъ мовячи: *не любите мiра, ни яже въ мiрѣ: аще кто любитъ*

міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ. (1. Іоан. 2. 15.) Кто, говоритъ, утопивъ сердце свое въ семъ прелестнôмъ свѣтѣ, въ его роскошахъ, въ тôмъ не шукай любви Божой, хотяй ôнъ и Христіанинъ есть. *Нѣсть любви Отчи въ немъ.*

Любовь Божа дуже ревнива, — не терпитъ, щобы чіе будь сердце любило Бога и свѣтъ, роздѣляючися по половинѣ. Поставили Филистиняне кивотъ завѣта Господня въ однôмъ храмѣ разомъ съ идоломъ Дагономъ, и прійшовши на другій день, видятъ, що Дагонъ лежитъ на порозѣ сокрушеный. А еслибы Дагонъ не сокрушився, то щобы було? Кивотъ Божій самъ собою двигнувся бы и выйшовъ изъ того храма. Такъ дѣйствуе и любовь Божа, якъ въ чіимъ сердцю замешкае: або вижене идолôвъ — земнй марнй пристрастія, або сама удалится говорячи: *се оставляется вамъ домъ вашь пустъ.* И длятого то одинъ изъ св. мужей напоминае Христіанина: „бѣжи созданія, если хочешь мати Создателя.“

Не любитъ любовь роздѣленою бути на двое, такъ, щобы одною половиною сердця человѣкъ любивъ Бога, а другою марнôсть свѣтову, *не можете,* сказано, *Богу работати и мамонѣ.* Длятого любовь Божа вымагае ôтъ насъ любви цѣлого сердця, говорячи: *сыне, даждь ми твое сердце,* дабы любити мене всѣмъ сердцемъ. Дѣйстно мудре изреченье; любовь не повинна анѣ роздѣлятися, анѣ роздиратися! Такъ ревнива она, що якъ бы другій разъ терпитъ крестъ и роспятье, коли видитъ кого будь роздираючого его на двое, або на десятеро межи рѣчами сотвореными, но хоче одна въ сердцю человѣческôмъ пановати и царствовати, безъ всякого товариша. И се то есть знакъ правдивой любви: той правдиво любитъ Бога, кто або мало, або со всѣмъ не мае привязаня до свѣта и до дочасныхъ благъ его; если же и уживае свѣтовыхъ благъ, то не для усолодженя, а для хороненя тѣлесной жизни; всё же сердце, всё желанье свое устремляе къ единому Богу, предпочитаючи его всему съ Давидомъ говорячимъ: *что ми есть на небеси, и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли.* (Пс. 72. 23.) Изъясняючи се св. Амврозій говоритъ: „Ты знаешь, яко свидѣтель Тайныхъ, Боже, що не лише надъ землю и надъ все, що есть на ней, но и надъ небо и надъ всё що на немъ, Ты есь менѣ дорожшій, желательнѣйшій. Люблю Тебе надъ небо и землю, и надъ все, що на нихъ.“

Еще и то есть признакомъ правдивой любви къ Богу, коли кто любитъ Бога для единого тôлько Бога, а не для себе, не для свого прибытка, и не для той заплаты, котру описавъ Апостолъ: *око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его.* Не осуджаю и той любви, если кто задля вѣчной нагороды любитъ Бога, однакожь и не назву ю совершенною и совсемъ правдивою. Не служивъ бы наемникъ господареви, еслибы не надѣявся ôтъ него платнѣ, не любивъ бы не одинъ Господа, еслибы не надѣявся нагороды. То правдива любовь, котра по Апостолу, *не ищетъ своихъ си,* не журится о якôй-то нагородѣ, а лише того желае, щобы усолодитися въ любвѣ Божественной. Господь Богъ роздѣливъ блага свои межи вѣрными слугами своими; давъ нищимъ царство небесне, давъ плачучимъ особенне утѣшенье, назначивъ смиреннымъ наслѣдіе земли, голоднымъ и жаждучимъ уготовавъ богатый стôлъ въ царствѣ

небеснômъ: *яко тіи насытятся.* Иншимъ иншй назначивъ нагороды, по мѣрѣ достоинствъ ихъ. А любителямъ своимъ що? Ничого, кромѣ того, що сказавъ: *Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему прійдемъ, и обитель у него сотворимъ.* (Іоан. 14. 23.) Не говоритъ дамъ любячому мене царство, посаджу на престолѣ, вложу на голову вѣнецъ, сотворю для него вечеру небесну. Ничого такого не предкладае любезному любителю свому. А щожъ? Одно то обѣцяе, що *къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ,* а черезъ то дае намъ розумѣти, що кто мае правдиву любовь къ Богу, той кромѣ Бога ничого и не желае, — ни неба, ни вѣнцѣвъ небесныхъ, ни солодостей райскихъ. Най шукае кто чого хоче у Бога; любовь шукае единого лише Бога передъ всемъ, даже и передъ вѣчными благами. *Мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть.*

Наконецъ въ тôмъ являеся правдива любовь Божа, коли кто для любимого Бога свого всѣми силами выстерегаеся впасти въ якій нибудь грѣхъ смертный, стараеся, щобы ничимъ и въ ничôмъ не прогнѣвати Того, Кого любитъ, а во всемъ хоронити его волю, исполнити всѣ его заповѣди, якъ и самъ Господь говоритъ о тôмъ: *аще кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ: а не любяй мя, словесъ моихъ не соблюдаетъ.* (Іоан. 14. 23. 24.)

Кто таку любовь къ Богу мае въ сердци своемъ, то въ самôмъ дѣлѣ добре знае Бога, вкушае его любовію и знае сердечною солодостію що благъ есть. И такій Христіанинъ безъ сомнѣнія, осягае жизнь вѣчну по словамъ Христа: *се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога.* Аминь.

Науки катихитичнй.

(*І. Гороцкій.*)

НАУКА XIV.

Кто есть Іисусъ Христосъ?

Богъ самъ пріидетъ и спасетъ васъ. (Исаі. 35. 44.)

Христіяне!

Предметомъ нынѣшнои науки буде толкованье второго члена исповѣданя вѣры, котрый такъ говорится: „*И во единаго Господа нашего Іисуса Хріста, Сына Божія единороднаго, отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ; свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна; рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, имже вся быша.*“

Нещастнымъ упадкомъ въ грѣхъ, отпавъ першій человѣкъ со всѣмъ своимъ потомствомъ ôтъ благоволеня и сынôвства Божого, утративъ першу невинность и право на вѣчне блаженьство и зôставъ осудженый на вѣчну згубу, ôтнести до того еще великй и безчисленнй раны и вреды на душѣ и тѣлѣ, и саму смерть тѣлесну, которою ему було загрожено. Зъ раю выгнаный и въ потѣ чола на кусень хлѣба дѣлати

осудженый, въ безустанныхъ недостаткахъ и терпѣніяхъ, провадивъ человѣкъ свое нужденне житье, не маючи ніякои надѣи на жизнь вѣчну, ани не надѣючися на яке милосердіе, и не могучи самъ собѣ помогчи и отъ той недолѣ себе выбавити. Чувстовавъ до того, що розумъ его опускавъ даже въ то̂мъ, що необходимо ему треба було знати, и западавъ чѣмъ разъ въ глубшу темноту; чувствовавъ, що слаба есть воля его, до твореня доброго, ба даже „*инъ законъ*" якъ говоритъ Апостолъ (Рим. 7. 23.) „*въ удѣхъ своихъ противъ воюющь закону ума его*"; и въ ро̂жнй и то чѣмъ разъ въ грубшй грѣхи впадавъ; чувствовавъ и видѣвъ наконецъ, якъ силы его опускали, немочи и бѣды безчисленнй пригнетали, а тѣло недугами и недостаточностями исторгане, въ персть и порохъ замѣнялося. Воистину, оплаканя достойный бувъ такій станъ человѣка, тымъ бо̂льше, що власною виною заслуженый.

Но знаете уже, що Богъ милосердный змиловався надъ тою недолею человѣка, и обѣцявъ ему прислати Мессію або Искупителя, котрыйбы то всё исправивъ, и до первѣстного стану привернувъ. И ктожь есть той Искупитель, и зъ о̂тки о̂нъ взявся?

Мессія або Искупитель нашь есть Іисусъ Христосъ; и есть правдивымъ Богомъ. А що о̂нъ есть и требовавъ бути правдивымъ Богомъ, показуеся зъ того: Грѣхъ есть прогнѣваньемъ Бога, а тымъ самымъ прогнѣваньемъ безконечно великимъ, бо прогнѣваньемъ безконечно великого Бога; не мо̂гъ насъ отже ни Ангелъ, ни якій человѣкъ о̂тъ него искупити, бо ангели и люди не маютъ безконечнои силы, а кромѣ сего люди всѣ до одного перебували въ гнѣвѣ, и всѣ до одного требовали искупленя, не могли отже одинъ другого искупити. Богъ возвѣстивъ намъ черезъ пророко̂въ, що самъ прійде и спасе насъ: „*Богъ самъ*" говоритъ Исаіа пророкъ (34. 44.) „*пріидетъ и спасетъ васъ*". Искупитель нащь Іисусъ Христосъ есть дальше единороднымъ Сыномъ Божимъ. Такъ есть; тысячь о̂смсотъ о̂сьмдесять лѣтъ тому, якъ народився человѣкъ, котрый назывався „Іисусъ Христосъ" и котрого історія описана есть въ книгахъ Евангелій св. — Бувъ о̂нъ однымъ чоловѣкомъ, якого николи не було, понеже ни одному человѣкови не товаришило такъ много чудесъ, якъ ему. Онъ самъ назвавъ себе Сыномъ Божимъ; *тако*, говоритъ, *возлюби Богъ міръ, яко и сына своего единороднаго далъ есть* (Іоан. 3. 16.) и слово то свое потвердивъ розличными чудами. А що Онъ есть правдивымъ Сыномъ Божимъ, показуеся зъ того, що въ св. письмѣ даются ему Божй свойства и Божа честь. Павелъ св. приписуе ему всемогучество, коли говоритъ, що „*въ немъ создана быша всяческая.*" (Кол. 1. 16.) Приписуе и Божу честь, коли говоритъ: „*да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится.*" (Филип. 2. 10.) Есть отже Іисусъ Христосъ правдивымъ, единороднымъ сыномъ Божимъ, понеже ему не лише имя единородного Сына Божого, но такожь и свойства и честь Божа даеся; що всё мы въ семъ другомъ членѣ съ Церквою св. исповѣеуемъ.

Однако Іисусъ Христосъ есть не то̂лько единороднымъ Сыномъ Божимъ, отже правдивымъ Богомъ, но разомъ и правдивымъ человѣкомъ. Онъ бо мавъ правдиве тѣло человѣческе: „*Слово плоть бысть*" говоритъ ов. Евангелистъ Іоанъ (1. 14.) „*и вселися въ ни*" и правдиву

душу человѣческу, понеже Христосъ сказавъ о собѣ передъ своимъ страданьемъ: „*Прискорбна есть душа моя даже до смерти*“. (Мат. 26. 38.) Есть отже Христосъ правдивымъ человѣкомъ, и длятого Онъ самъ часто называе себе *сыномъ человѣческимъ*. Яко Богъ есть Онъ вѣчнымъ, яко человѣкъ родився въ часѣ.

Но хотяй въ Христѣ суть два существа (природы) Боже и человѣческе, отже также и двѣ волѣ божа и человѣческа, понеже ôнъ есть Богомъ и человѣкомъ разомъ, есть однако лише одна особа въ Христѣ, понеже одинъ есть лише Христосъ, т. е. друга особа Божа Сынъ, а не Отецъ або Духъ св. ставъ ся человѣкомъ въ Христѣ, и власно сія друга особа Божа Іисусъ Христосъ называеся Сыномъ Божимъ. Дальше есть въ Христѣ существо Боже съ человѣческимъ соединено, но не смѣшено, такъ якъ вода съ виномъ мѣшаются, коли сліются; но якъ золото всегда чистымъ золотомъ перебувае, хотьбы и въ глинянôмъ начиню, такъ перебуло и Боже существо чистымъ и цѣлымъ въ принятôмъ существѣ человѣческôмъ. И той Іисусъ Христосъ есть нашимъ обѣцянымъ намъ ôтъ Бога Мессіею, або Спасителемъ або Искупителемъ; достаточно есть пророкôвъ и исторію Іисуса Христа т. е. Евангеліе св. въ порôвнаню съ собою читати, а окажеся сей часъ, що всё въ Немъ совершилося, що пророки о Мессіи предсказали. И зъ той то причины справедливо Онъ называеся „*Іисусъ*“; понеже „*Іисусъ*“ значитъ то само, що по нашому „Спаситель, Искупитель“, но Іисусомъ сбулося намъ спасенье, понеже Онъ выбавивъ и спасъ насъ ôтъ вины и кары за грѣхъ, и ôтъ вѣчной смерти. Се утверджае межи иншимъ и Ангелъ, коли сказавъ до Іисуса о Маріи, матери Іисусовой: „*Родитъ Сына и наречеши имя ему Іисусъ, той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ*“. (Мат. 1. 21.) Длятого то Іисусъ называеся Спасителемъ. Іисусъ або Спаситель называеся „Христосъ“ то значитъ: „Помазаный“, бо „*Богъ*“ якъ говоритъ Петръ св. о Немъ (Дѣян. 10. 35) „*помаза Іисуса, иже отъ Назарета Духомъ св. и силою.*“

Іисусъ Христосъ есть такожь нашимъ „*Господемъ*“. Коли мы собѣ яку рѣчь здѣлаемъ або купимъ, есьмо ей господами (панами). Отецъ небесный, Богъ, всё, що есть, сотворивъ Іисусомъ Христомъ; „*въ немъ бо*“ говоритъ Апостолъ, „*создана быша всяческая*“; до того искупивъ насъ Іисусъ Христосъ цѣною своей крови; его протое есмо совсѣмъ; Онъ есть нашимъ Господемъ, нашимъ Паномъ. Кождый панъ може слугамъ своимъ, протое и Іисусъ Христосъ намъ приказовати. И въ самôмъ дѣлѣ давъ Онъ намъ новый законъ, або новû заповѣди вѣры, норовственности и тайнъ, и научивъ насъ ихъ; протое Онъ есть такожь нашимъ „законодателемъ и учителемъ“.

Такъ отже знаете уже, кто есть Іисусъ Христосъ. Есть Онъ: Единородный Сынъ Бога Отца, Богъ и чоловѣкъ разомъ, нашь Господь, законодатель и учитель, котрому хвала и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Практики душпастырскі одного сельского священника.

IV. Набоженьство недѣльне и святочне.

(Продолженье.)

б) Що до внутрнёго уряджения церкви слѣдуючі уваги робю: 1. *Иконостасъ* и для припису обряда належитъ затримати, и (ведля мого мнѣнія) ще бôльше для чести найсв. Таинъ; и повиненъ иконостасъ становити одну образову стѣну (хоть прозрочисту, помежи образами шницерствомъ вырабяну), отже спôдна линія образôвъ повинна злучена бути зъ верхнею линіею. Що до найсв. Таинъ, латинники маютъ при кождôмъ переходѣ колѣнопреклоненье, маютъ такожь „вѣчне свѣтло"; а у насъ ни того ни сего нема, и натомѣсть лише иконостасъ зъ царскими вратами. Але зъ другои стороны думаю, що треба, ос. середні, царскі врата широкі и высокі робити, и надъ ними може такожь ще довольно высокій отвôръ въ иконостасѣ лишитися, такъ щобы при отвореню ихъ вся пространь олтаря добре на церковь видна була; а если ще кромѣ того врата самі суть прозрочисті, то и при замкненыхъ дверехъ досыть олтарь дасться видѣти. Такожь думаю, що не належитъ въ нашихъ часахъ николи газдамъ вступъ до олтаря (черезъ бочні врата) боронити или ограничати, лише жѣнкамъ и дѣвчатамъ вообще, а хлопцямъ еслибы ихъ за много тамъ ишло; зъ высшихъ станôвъ и женщинамъ не выпадае ведля общого теперѣшного звычая трудности які въ тôмъ робити. — 2) Потреба и выгода вымагае неразъ конечно, абы бувъ якій *бочный престолъ* до св. литургіи, отже треба, и то для симетріи 2 бочні престолы уладити, а неразъ и оба могутся придати; бôльше ихъ на селѣ будутъ звыкло излишними. 3) Всюды суть слабі и старі люде, котрі не могутъ остояти, им. при нашихъ довгихъ набоженьствахъ; отже щобы они не були вже выключені ôтъ посѣщаня набоженьства, то треба щобы и *ослоны* до сѣданя въ церквѣ були, а если можь, такожь и гдеякі формальні лавки, и въ олтари, если есть мѣсце. — 4) И *казальница* при обширнôй церквѣ им. въ празники буде до проповѣдей желательна.

в) Що до мѣсця на бýдову церкви, 2 дуже практичні уваги робю: 1) Абы церковь *якъ найблизше до помешканя пароха* ставити. Отдалена церковь може бути искушеньемъ до занедбаня або не скорого выповненя найважнѣйшихъ обовязкôвъ; а всегда есть она великою дуже невыгодою и утрудненьемъ, и то не лишь для священника, але ôтчасти и для парохіанъ, котрі неразъ въ своихъ потребахъ и до священника и потому до церкви удаватися мусятъ. — 2) Абы церковь ставити въ мѣсци *якъ найприступнѣйшôмъ,* о скôлько можь въ серединѣ села (але тамта 1. точка есть всегда важнѣйша), а не десь за селомъ, або ще може и на горѣ якôй. Треба бо головну цѣль церкви передъ очима мати; тая не есть красне положенье или украшенье села, але есть исключно заспокоенье духовныхъ потребъ парохіянъ, ôтъ котрыхъ и всё правдиве добро на земли, и спасенье всеи нескôнченои вѣчности для нихъ залежитъ: отже треба по можности заспокоенье

тыхъ потребъ духовныхъ имъ улекшити; а знаемъ всѣ, якъ по части изъ слабости людской, по части изъ лѣнивства наветъ и мале побôльшенье невыгоды неразъ чоловѣка встримуе, не въ тѣлесныхъ, але власне въ духовныхъ потребахъ нашихъ.

г) Цминтарь на около церкви 1) не повиненъ ся на замокъ замыкати, якъ то часомъ для садовины или зъ подобнои якои причины дѣеся, бо приступъ до церкви повиненъ бути все вôльный. А если есть такій, якъ пôдъ *а)* сказано, ґанокъ, то и можь колибудь при церквѣ выгôдно помолитися, хотьбы и слота и вѣтеръ бувъ. — 2) Существуючій заказъ пашеня худобы или гусій и т. д. на цминтари треба доконче заховати для чести того дому Божого и Г. Бога въ найсв. Тайнахъ тамъ перебуваючого, и можь цминтарь лише кошеньемъ травы уживати. Впрочемъ ведля права, им. ведля припису при закладаню теперѣшныхъ книгъ грунтовыхъ, цминтарь коло церкви уважаеся за власнôсть не парохіи, але церкви.

д) Що до опрятности въ церквѣ. Передъ недѣлею (въ суботу) и по кождôй недѣли и кождôмъ святѣ (въ вечеръ, а если свята черезъ кôлька день, то кождого дня) належится, абы церковь була заметена, и порохи постиранѝ (на другій день рано, если въ вечеръ замѣталося); разъ на тыждень чакожь тацки, лѣхтарѣ и крести пообтирати; а образъ до цѣлованя кождого дня, и такожь престôлъ, на котрôмъ Служба правитися мае. Если треба, то хотьбы дякови або паламареви зъ причины такого пильнованя додатокъ якій рочно зъ скарбоны церковнои на то удѣлити. — Священникъ самъ най таксамо чашу пильнуе, щобы и *зъ верхи* чиста була, не запорошена и не заржавлена, и треба якійсь кавалокъ полотна до обтираня чашь зъ верхи мати; и если нѣтъ шафки на чашѣ, то добре буде, щобы по ôтправленôмъ набоженьствѣ чашу зъ дискосомъ и покровцями (и такожь нараквицями) спорымъ подвôйнымъ полотномъ цѣлкомъ наоколо обôкрыти. А чашу *въ серединѣ* и такожь дискосъ треба при кождôй Службѣ по причастію добре лентіемъ вытирати; до того треба, щобы лентіоны досыть великѝ були (добре, абы подвôйнѝ, въ двое зложенѝ були), и такъ ихъ складати при причастію и потому, щобы можь сухою частею лентіона 2 разы дискосъ и такожь два разы часу вытерти. — Розумѣеся, що треба такожь уважати, щобы порядокъ въ церквѣ бувъ: кожда рѣчь на своемъ мѣсци, фелоны и бѣлизна гôдно поскладанѝ (и брудна бѣлизна особно поскладана), свѣчки въ лѣхтаряхъ просто (не на рôжнѝ боки покривленѝ), по набоженьствѣ книжки позамыканѝ и престолы накрытѝ, а при выходженю зъ церкви такожь бочнѝ дверѣ иконостаса запертѝ.

е) Що до захованяся въ церквѣ. Для чести того св. дому треба уважати, щобы и то, що потрѣбно есть въ церквѣ говорити, все по тиху, а не голоснымъ голосомъ говорилося; и то ôтъ всѣхъ людей жадати (въ разѣ голосного говореня имъ то зауважати). Разумѣеся, що всякого инного говореня и розмавяня, котре въ церквѣ не есть конечне, най насампередъ самъ священникъ выстерѣгаеся. Такожь щобы ся тихо ходило; до того им. тыхъ, що услугуютъ, старатися призвычаити.

ж) Хоть $^1/_2$ годины бôльше або менше на селѣ, где люде до зегара не стосуются, майже ничо не значитъ, однакожь треба все ста-

ратися, щобы всё набоженьство **п р а в и т и в ъ с в о е м ъ ч а с ѣ**, а ос. ранне набоженьство въ недѣлѣ и свята. Бо во всемъ повиненъ порядокъ бути; а тымъ бôльше въ такихъ рѣчахъ, котрй для цѣлои однои або и бôльше громадъ дѣются, где ще кромѣ того що до Службы Б. каждый пôдъ смертнымъ грѣхомъ обовязаный на ней бути. Отже все въ означенôй годинѣ дзвонити, а знову въ означенôмъ протягу часу (н. пр. все въ $^1/_2$ годины) потому священникови до церкви ити. — Розумѣеся, що въ разѣ важнои перешкоды муситця изъятье допустити, н. пр. если передъ Службою трафится до хорого, або по Службѣ передъ вечернею похоронъ; але и въ такихъ разахъ, щобы скôлько можь якъ найменше спôзнятися. Приватнй интереса поединчихъ парохіанъ най все, если лишь можь, уступаютъ общимъ дѣламъ всеи парохіи, и такъ: *слюбы* (ведля роспоряджения въ нашôй АЕпархіи) суть все въ второкъ, зъ изъятіемъ лише самого остатного дня запустôвъ въ данôмъ разѣ (если въ второкъ выпаде свято, то ведля роспоряджения мавбы слюбъ въ четверъ даватися, але я въ тôмъ разѣ вже лищаю его въ второкъ, понеже у мене, а вѣдай чи не всюды по селахъ, весѣлье вже день передъ слюбомъ роспочинаеся, а передъ четвергомъ есть постный день середа); *похоронъ*, если часъ на него выпаде въ недѣлю або свято передъ полуднемъ, то муситъ родина чекати ажь по Службѣ (а еслибы конче хотѣли мати похоронъ передъ Службою, то въ кождôмъ разѣ лише въ церквѣ безъ процесіи ôтправивбымъ), и то заразъ по Службѣ, абы вечѣрня не много спôзнилася, а сли знову по вечѣрни, то вже ажь по науцѣ; такожь *крестины*, если пôдчасъ вечернѣ прійдутъ, всегда ажь по науцѣ и молитвѣ дѣтей.

з) Наконецъ приходимъ до остатнои, и разомъ найважнѣйшои вступнои уваги, т. е. щобы **в с ё н е д ѣ л ь н е и с в я т о ч н е н а б о ж е н ь с т в о д о б р е п и л ь н о в а т и**, его не опускати, и зо всякою прилѣжностею ôтбувати. Насамперѣдъ *не опускати*; зъ изъятіемъ празникôвъ сусѣдныхъ, або також родичій своихъ, хоть и далеко ôтдаленыхъ, если тіи дѣйстно *до ôтправы церковнои* той помочи отъ своихъ сынôвъ или зятей священникôвъ желаютъ; а николи про визиту или забаву или щось подôбного; и ôтвѣдженье родины кромѣ наведеного выпадку, и интереса взглядомъ дѣтей нашихъ треба лише въ будныхъ дняхъ ôтбувати, кромѣ наглыхъ якихъ случаѣвъ, котрымъ бы инакше ніякъ зарадити не можь було (и въ празники, слибы родичѣ ôтъ насъ ôтдаленй, *лише* для ôтвѣдженя и помочи домовои или забавы насъ жадали, то най жена и дѣти ѣдутъ, а намъ дома лишитися належитъ). Ту заразъ примѣчаю, що если небытнôсть наша, хоть и въ буднй дни, черезъ пару день протягаеся, то треба забезпечити на той часъ выручене себе въ разѣ потребы, им. що до хорыхъ. — А що до *прилѣжного отправяня*, не розумѣю я ту анѣ разу, абы дуже поволи и довго н. пр. Службу Б. правити, бо то ся наветъ не належитъ, противно треба н. пр. интенціи свои при Службѣ коротко вспоминати (о тôмъ скажу ще низше при буднôмъ набоженьствѣ) и вообще ôтправу безъ потребы не протягати, зô взгляду на присутствуючихъ людей; але розумѣю ту: 1) щобы *гôдно* набоженьство ôтправляти; 2) прилѣжно *науку* мати, и проповѣдь на Службѣ, и катихизацію на вечерни; и .ос. 3) людей до частои *сповѣди* заохочовати и имъ рано передъ Службою

способность и часъ до сповѣди дати. А если кто на то не уважае, лише якъ найборше и найраньше всё набоженьство ôтбувае, може и науку лише якъ будь мае, и ос. людемъ часъ и способность до сповѣди въ дни тӣ не дае: то така швидка ôтправа може вправдѣ парохіанамъ дуже подобатися, але уподобанье тое лише зъ тѣлесности и лѣнивства до духовныхъ рѣчей а наклоненя до самыхъ свѣтовыхъ интересôвъ походитъ, отже зъ найбôльшою шкодою парохіанъ и неразъ зъ найстрашнѣйшимъ небезпеченьствомъ ихъ вѣчнои погибели злучене есть, (про бракъ достаточнои науки или легкои способности до сповѣди) отже лише правдивымъ занедбаньемъ страшнои службы нашои душпастырскои называтися муситъ. — Кромѣ наведенои безмѣрнои важности службы душпастырскои маютъ насъ до прилѣжного и совѣстного пильнованя недѣльного и святочного набоженьства вообще слѣдуючӣ 2 причины побудити: 1) То есть претцѣ служба *наша, зъ котрои мы и жіемъ,* себе и родину утримуемъ; а недѣльнӣ и святочнӣ дни суть власне *властивыми днями службы нашои,* где буднӣ дни преимущественно до працѣ тѣлеснои служатъ. Длятого цѣлкомъ слушно выражався часто одинъ, въ своей службѣ дуже совѣстный и жертвуючійся священнникъ, що душпастырь въ буднӣ дни святкуе, а въ недѣлѣ и свята мае працѣвати, и то повиненъ працѣвати ôтъ рана до вечера. А 2) претцѣ мы маемъ въ цѣлôмъ житю *Г. Богу служити,* отже не свою волю и свои выгоды на оцѣ мати, але всегда зъ найбôльшою старанностію волю Божу выповняти, котра есть власне *въ обовязкахъ стану нашого.*

(Продовж. слѣд.)

Новости въ богословскôй нашôй литературѣ.

Письма Дра Юліяна Пелеша.

(Оглядъ литературный О. Пюрка.)

(Продолж.)

Die Geschichte des hl. Josaphat ist seit jeher zum Gemeinplatz geworden, auf welchem die manigfaltigesten Gegner der Union die Quintessenz ihrer politischen und historischen Weisheit abzulagern pflegen, sie ist der Tummelplatz, auf welchem alle offenen und geheimen Gegner und Feinde der Union der Ruthenen mit Rom ihr Stelldichein genau einhalten. Wie ein deutscher, französischer Scribent oder Schriftsteller, welcher sich den zweifelhaften Ruhm eines liberalen Mannes (lucis a non lucendo) erwerben will, bei jeder noch so weit hergeholten Gelegenheit über die Jesuiten herfallen muss, ebenso kann ein liberal sein wollender Pole oder Ruthene nicht umhin neben den Jesuiten besonders den hl. Josaphat zu verunglimpfen. Ich habe nicht beabsichtigt, hier darauf einzugehen, denn einen Bantysz-Kamenski, Philaret und Genossen zu widerlegen, hiesse einen Mohr weisswaschen wollen, und übrigens ist diese ganze Schrift (Geschichte der Union) ihre Widerlegung; allein in diesen Tagen in Lemberg in polnischer Sprache erschienene Schrift nöthigt mich, noch einige Worte diesem

Gegenstande zu widmen. Es ist nämlich die Flugschrift „Polityka Polaków względem Rusi, napisał Stefan Kaczała, we Lwowie 1879“, d. i. die Politik der Polen bezüglich der Ruthenen. Lemberg, im Selbstverlage 1879. Der Verfasser hat sich vorgenommen die politischen Verhältnisse der Polen und Ruthenen zu beleuchten, und es liegt mir fern, ihm hier auf dieses Feld zu folgen, und sein Name wäre hier nie vorgekommen, wenn er bei seinem Gegenstande geblieben wäre. Aber ihn hat wahrscheinlich die Ueberzeugung geleitet, dass er ohne einen Angriff auf seine Mutterkirche an Liberalismus verloren hätte, und er wählte gerade die Union im Allgemeinen und den hl. Josaphat im Besonderen zum Gegenstande seiner Angriffe. Dass er die Jesuiten dabei nicht schont, ist selbstverständlich. Wiewol die Vorwürfe, welche er hier zum Besten giebt, schon oft und auch in dieser Schrift zur Genüge wiederlegt sind, so seien doch einige Gedanken dieses Politikers hier angeführt. Dass der Verfasser den Metropoliten Michael Rahoza für ein Werkzeug der Jesuiten hält (S. 87.) ist eine neue Erfindung, deren Erklärung Herr Kaczała schuldig geblieben ist Jedem, der die Geschichte dieses Metropoliten kennt, und auf solche historische Unzukömmlichkeiten kann hier nicht eingegangen werden; es möge hier nur konstatirt werden, was der Verfasser der besagten Flugschrift von der Union meint, und darüber hat er uns nicht im Unklaren gelassen. Er stellt sich die Union als den Abfall der Ruthenen vom Glauben, und als die Ursache des Unterganges des Königreiches Polen vor. So sagt er (S. 89.) zum Lobe der einst unter den Ruthenen herrschenden groben Unwissenheit, dass „diese grobe Unwissenheit die gute Seite hatte, dass sie die orthodoxe (schismatische) Kirche vor der heretischen und jesuitischen Propaganda schützte“: also der katolische Verfasser dieser Flugschrift stellt hier den Protestantismus und Katholicismus in gleiche Linie. Auf Seite 96 nennt er die katholischen Ruthenen „eine Beute Roms“, indem er zuerst aufzählt, wie man die Union vorbereitet haben soll, und zwar unter Anderen durch Schulen u. s. w. und dann sagt: „nach solchen Vorbereitungen betrachteten die Adhaerenten der römischen Curie Russland für eine sichere und leichte Beute der römischen Kirche“. Auf Seite 120 erklärt er die Union ganz einfach für eine Apostasie, indem er der ruthenischen Hierarchie vorwirft, dass sie sich von der Vormundschaft der Laien befreien und das Kirchenvermögen in ihre Hände nehmen wollte, und dann sagt: „die letzte Ursache war auch der Beweggrnnd der Apostasie des niederen Klerus.“ Also der besagte Verfasser wünscht, dass der Klerus von den Laien bevormündet werde, dass er geduldig zuschaue, was diese etwa in Glaubensachen beschliessen uud welche Brocken sie ihm zuzuwerfen für gut finden? Die von Theophanes im J. 1620 eingesetzte schismatische Hierarche findet er ganz in der Ordnung und nennt sie (Seite 131.) „eine Vergeltung für die aufoctroyirte Union“; auf Seite 146 sagt er nach Besprechung der schismatischen Wirren „so lange die Union, diese Quelle der Zwietracht, nicht aufgehoben war, hatten alle den (Schismatikern) Orthodoxen gegebene Privilegien keine Bedeutung“ (im J. 1633) und zwar deswegen, wie der geehrte Politiker weiter unten (S. 142) raisonnirt,

„weil sich im Staatsorganismus Polens eine ausländische, den Staatsinteressen fremde Macht eingenistet hat, welche die Vernunft und das Gewissen in Fesseln schlagen wollte. Diese Macht nistete in dem katholischen Klerus, in den Jesuiten und in der römischen Propaganda“; und für was für ein Uebel er die Union hält, erklärt er kurz und bündig (auf S. 142), indem er sagt: „wenn mann den Untergang Polens vom Sigismund III. datirt, so fragen wir, was hat dieser König verbrochen? Die Geschichte antwortet: „er hat die Union eingeführt.“

Das ist die Meinung des Herrn Stefan Kaczała von der Union; die Union ist nach seiner Ansicht eine Apostasie, sie ist die Ursache des Falles Polens.

Nicht besser ergeht es selbstverständlich dem hervorragendsten Vorkämpfer der Union dem hl. Josaphat. Der Verfasser der besagten Flugschrift hat zwar am Titelblatte die Worte: „audiatur et altera pars“ mit Emphase aufgestellt; allein mit Rücksicht auf die Union hat er dieses Princip wahrscheinlich vergessen. Dass er dem hl. Josaphat die grössten Bedrückungen der Schismatiker zuschreibt, ist nicht zu verwundern, denn das hat ja Bantysz-Kameński etc. geschrieben, und dass er auch den Brief des Leo Sapicha an den hl. Josaphat (S. 114—118) in dem ihm ammeisten zusagenden Teile anführt, kann bei der Tendenz seiner Schrift nicht befremden, wiewohl dieses Schreiben in einer politischen Abhandlung ganz gut vermisst werden konnte; allein nach dem von ihm ausgesprochenen Grundsatze „audiatur et altera pars“, hätte man erwartet, dass er auch die Antwort des hl. Josaphat, die sich in der Geschichte des Likowski unmittelbar nach dem besagten Schreiben des Sapieha (auf Seite 244—249) befindet, anführen wird. Das hat er aber nicht gethan, und es sei hier die Frage erlaubt, wie kann er bei so einem parteischen Verfahren erwarten, dass auch seine Schrift von der Partei, gegen welche sie gerichtet ist, berücksichtigt wird. Dazu fälscht er (auf S. 118) die Geschichte, indem er angibt, dass der Archidiacon des hl. Josaphat Dorotheus, einen schismatischen Priester überfallen hat, und dass nur auf die Kunde von dieser Gewaltthat „die bisher geduldigen Bewohner von Witebsk ergrimmten“ und den Mord vollbrachten. Der wahre dokumentarisch, eidlich beglaubigte Sachverhalt wurde oben dargestellt, daher ist es unnöthig, hier ein Wort darüber zu verlieren. Ganz anders hätte der Verfasser geurtheilt, wenn ihm die Thätigkeit des hl. Josaphat, wenn ihm sein mildes Verfahren mit dem in jenen Zeiten von den Herrn geknechteten Volke, wenn ihm die Pastoralregeln des Heiligen bekannt gewesen wären. Dass der Verfasser gegen den hl. Josaphat den Vorwurf (S. 162) erhebt, dass ihn die Union, obwohl er nicht vom Adel war, zum Erzbischof erhoben hat, ist zum mindesten lächerlich.

Auch manche andere Unrichtigkeiten begegnen uns da an vielen Stellen: so wird auf Seite 103 behauptet. dass mit Gedeon Bałłaban „sich auch die übrigen Bischöfe von der Union abgewendet haben“; obwohl uns nur von dem Abfalle des Gedeon Bałłaban und des Michael Kopestyński bekannt ist; — und weiter unten (S. 104) behauptet er, dass „das Lager der Unirten die Angelegenheit der Union

gar nicht näher prüfte, diese sei ohne eine Synode beschlossen und von Papste bestätigt worden.“ Die Synoden der ruthenischen Bischöfe, welche in den Jahren 1594, 1595 in Sachen der Union gehalten wurden, und die vielfachen speziellen Verhandlungen in derselben Angelegenheit, von denen wir am Ende des zweiten Zeitraumes unserer Geschichte gesprochen haben, scheinen für den Verfasser nicht zu existiren. Freilich lässt er uns nicht im Unklaren, auf was für einer Synode nach seiner Ansicht die Union hätte discutirt werden sollen, indem er kurz vorher (S. 104.) sagt: „entsprechend den alten Sitten der orientalischen Kirche, war zur Veränderung der Glaubensdogmen die Bestimmung der Geistlichkeit selbst unzureichend, sondern es war auch die Zustimmung der Laien, und zwar sowohl des Ritterstandes als auch des gemeinen Volkes erforderlich, damit keine Vergewaltigung in Sachen des Glaubens und des Gewissens eintrette“. So! das hat ausser dem Philaletet in seiner Apokrisis sonst kein Gegner der Union so einfach und ungeschminnkt ausgesprochen. Welches Dogma hat denn die griechische Kirche auf diese Weise aufgestellt? Welcher heiliger Vater der griechischen Kirche hat je diese Meinung ausgesprochen? Also nach der Ansicht des genannten Herrn hätte man, um correct und im Sinne der orientalischen Kirche bei der Annahme der Union vorzugehen, die Kosaken zum Concil berufen sollen, also in Glaubenssachen solle etwa eine Volksversammlung entscheiden? Ist es unserem Politiker nicht bekannt, dass der von ihm hier proklamirte Grundsatz von der griechischen Kirche längst verurtheilt ist? Der Verfasser beklagt sich auf einer anderen Stelle gegen die Polen, dass sie sich in Glaubenssachen eingemischt haben; hätte er selbst diesen Fehler nicht begangen, so hätte er sich in die hier angeführten Behauptungen nicht verrannt. Was die schismatischen Bischöfe von der Einmischung der Laien in Kirchenangelegenheiten gehalten haben, und welche Folgen diese Einmischung nach sich gezogen hat, beweist unter Anderen die Geschichte des Lemberger Bischofs Gedeon Bałłaban, welche hier verglichen werde möge. Diese wenigen Worte reichen hin, um den Werth der vorliegenden neuesten Verunglimpfung der Union von einer Seite, von der man es am wenigsten erwartet hätte, zu kennzeichnen. Es ist unnöthig hier seine Behauptungen, die er zur Irreführung oder vielleicht selbst irregeleitet, aufgestellt hat, zu widerlegen, weil sie an den entsprechenden Stellen unserer Geschichte widerlegt sind. Es seien hier nur noch einmal die Worte eines Mannes, den Herr Kaczała freilich nicht sympathisch findet, nämlich die Worte des Meletius Smotryski, angeführt: „Schauen wir wie wir vor lauter Zizanien, Philaleten, Orthologen, Cleryken, Suraski's, Asarien und anderen ähnlichen Matheologen unsere heiligen Kirchenlehrer, einen Athanasius, die Cyrille, den Basilius, die Gregore, den Chrysostomus, Damascenus und andere heiligen Lehrer geringschätzten... Doch, da dieses Uebel einmal geschehen ist, möge es, das gebe Gott, sich nicht mehr wiederholen! (Apologie S. 24 und 25.)

Таке есть мнѣнье автора о брошурѣ о. Качалы. А изъ того може пересвѣдчитися и „Przedląd lwowski“, що не „всѣ“ нашû священники суть що до Уніи однаковового зъ о. Качалою мнѣнія. Противно сказати

*

треба, що якъ много бы о. Качала политичныхъ приклонникôвъ и ни находивъ, такъ заледво знайде межи нашимъ священьствомъ и одного, котрый бы бувъ що до Уніи одного зъ нимъ мнѣнія. Я самъ чувъ ôтъ многихъ нашихъ священникôвъ мнѣнье, що „чесный и характерный въ прочôмъ нашь о. Качала за политикою и свѣта не видилъ“. И дѣйстно таки, сказати можна, привела о. Качалу тôлько политична борба а може и розчарованье на полю политичнôмъ, до реченои аберации на поли исторично-церковнôмъ; намъ бо вѣдомо, що о. Качала бувъ и есть добрымъ священикомъ, що дбавъ и дбае про религійнôсть и моральнôсть своихъ повѣреныхъ, и що ôнъ одинъ выступавъ и голосовавъ въ парламентѣ противъ конфессійныхъ законôвъ вымѣреныхъ противъ церкви католическои. — Но вернѣмъ до рѣчи. Въ тôмъ ôтдѣлѣ Исторіи Уніи Дра Пелеша, который власне розбираемо, находимо такожь занимательный очеркъ исторіи *козаччины* ôтъ еи початкôвъ ажь по часы польского короля Владислава IV., и въ загалѣ есть той уступъ исторіи Дра Пелеша дуже поучаючій и занимательный.

Еще за житя М. Рутского повысають чорнѝ хмары надъ церковною провинціею кат. Русинôвъ, и они не счезають и по его смерти, но грозятъ Уніи громами и пôдъ наслѣдникомъ м. Рутского, пôдъ м. *Корсакомъ* (ст. 206—214), а взмагаются страшно за часôвъ м. Антонія *Сѣлявы* (ст. 215—241), коли то выбухли страшніи войны козацкіи. Авторъ поясняе причины тыхъ войнъ, характеризуе поступованье гетмана Богдана *Хмельницкого* и доказуе на основѣ автентичныхъ жерелъ, що Хмельницкій въ однôмъ и тôмъ самôмъ часѣ, коли зъ Украиною пôддався Россіи, присягавъ вѣрнôсть Туркамъ и Полякамъ и шукавъ еще инишхъ панôвъ и союзникôвъ. При тôй способности оцѣняе авторъ историчнѝ вѣдомости россійскихъ политикôвъ, котрѝ Хмельницкому поставили въ Кіевѣ славный памятникъ за тое, що будьто ôнъ бувъ „*самъ большій русскій*“, о чôмъ Хмельницкому и не снило ся. Плодомъ войнъ козацкихъ бувъ договоръ *Зборовскій* 1649. и *Переяславскій* 1654, котрыхъ головною задачею було совершенне знищенье Уніи, и той сумный станъ Уніи еще бôльше погôршивъ ся, коли по смерти Сѣлявы митропол. Престолъ майже 12 лѣтъ стоявъ опорожненый. Здавалося, що Унія зовсѣмъ упаде, но Боже провидѣнье чувало надъ тымъ дѣломъ, и ôтъ часôвъ м. Гавріила *Коленды* (ст. 256—274) настали для Уніи щаслившѝ часы. Раны, якіи Уніи въ часахъ страшныхъ войнъ козацкихъ задано, начали гоитися, рускѝ епископы опровергли черезъ своего члена Холмского епископа Якова *Сушу* клеветы верженѝ на кат. Русинôвъ гдекоторыми лат. епископами, а и польскій король *Вишневецкій* оказавъ ся къ кат. Русинамъ справедливымъ, и Унія стала що разъ бôльше до силъ приходити и скрѣпляти ся. Той станъ державъ ся и за м. Кипріяна *Жоховского* (ст. 274—288), пôдъ которымъ була даже надѣя, що всѣ Русины повернутъ на лоно церкви католическои, и коли король польскій І. *Собѣскій* въ каждôмъ взглядѣ для кат. Русинôвъ справедливымъ бути старавъ ся. Шизма що разъ бôльше упадала, а за часôвъ слѣдуючихъ митрополитôвъ Льва *Заленского* и Георгія *Винницкого* (ст. 288—300) майже совершенно въ предѣлахъ польского королевства упала, особливо коли галицкѝ епархіи въ р. 1692 и 1700 на лоно кат. церкви знову повернули.

Св. Унія выйшла теперь побѣдоносною и зъ тяжкихъ и кровавыхъ борбъ, якіи она по воли Божôй мусѣла перетерпѣти, и теперь оказалася потреба внутреннй ôтношеня тои великои изъ8-ми дуже численныхъ епархій складаючои ся церков. провинціи упорядковати, що сталося на областнôмъ Соборѣ *Замостскôмъ* за м. Льва *Кишки*, о которого дѣятельности авторъ на ст. 300—304 оповѣдае.

Пôсля всего того слѣдуе исторія поодинокихъ епархій въ часѣ 1613—1720 (ст. 304—353), а именно найперше Аепископства Полоцкого, где находитъ ся исторія жизни, дѣятельности и муч. смерти св. *Іосафата* (305—319); дальше слѣдуе исторія прочихъ Епархій, межи которыми найбôльше мѣстця и уваги посвящено для епархій галицкихъ.

Тымъ и вычерпаний дѣи руско-кат. церкви до р. 1720. Авторъ мôгъ перейти заразъ до иншихъ частій своего предмету. Но зваживши що въ Австріи жіютъ такожъ кат. Русины, которіи вправдѣ неналежали николи до нашои церковнои провинціи, а которыхъ судьба все таки для насъ важна и занимательна яко сынôвъ того самого народа и тои самои церкви, представляе слушно авторъ дальше (ст. 353—363) церков. судьбы Угорскихъ Русинôвъ и переходитъ ôттакъ до представленя церков. правленя Кіево-Галицкои Митрополіи (ст. 363—365), а щобы показати упадокъ россійскои т. зв. православнои церкви, описуе коротко сторію Московского Патріярхату (ст. 365—376), котора то исторія кождому величателю росс. церковныхъ ôтношеній може и повинна отворити очи.

Оповѣвши такъ историчнй дѣи первого періода переходитъ авторъ до внутреннои жизни нашои церковнои провинціи, а представивши найперше (ст. 377—418) на пôдставѣ жерелъ розвôй богословскои литературы, переходитъ (ст. 418—420) до книгъ церковныхъ и остановляеся (ст. 420—435) на областнôмъ соборѣ Замостскôмъ, которого исторію и рѣшенія подробно переходитъ и короткій но ясный коментарь рѣшеній того Собора дае. Наконецъ занимаеся авторъ (ст. 445 до 469) представленьемъ религійнои и моральнои жизни тогдашныхъ Русинôвъ и дѣями нашого монашества. Коротко но добитно характерезуе авторъ такожъ судьбу и положенье тогдашныхъ селянъ, оповѣдае о брацтвахъ церковныхъ и кôнчитъ той періодъ исторіею чина св. Василія Великого. (Конецъ слѣд.)

ЗАПИСКИ РИМЛЯНИНА.

„In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus charitas.“

Слѣдити и уважати ходъ общества, посередъ которого ся жіе, есть съ всемъ природно, — высказати вôльно свой спостереженя свободно кождому; обнародовити ихъ есть часомъ необходимо.

Наша церковно-народна жизнь, наше соціальне состоянье, нашй къ соседамъ ôтношеня — будутъ предметомъ скромныхъ тыхъ записковъ — правиломъ надписаное предложенье, цѣлею оборона правды — миръ Хрістовъ. Поволи зъ часомъ, при случайности будемъ все съ

христіаньско-рускою отвертостію absque studio et ira записовати. Нынѣ запишемъ где-що изъ нашой межинародной долѣ. Тутъ застаемо справджене оное:

Inter finitimos vetus atque antiqua simultas
Immortale odium et nunquam sanabile vulnus.

Що межи нами жіе давна и стара незгода, безсмертна ненависть и неизцѣлима язва — то кождый признасть, но чому такъ есть не кождому се понятно. Казалобы ся, що оное положенье языческого поета не должнобы мати застосованя межи народами христіяньскими, братными, рôвными, вôльными. Но оно такъ есть; яка тому причина? Одна, загальна, постоянна, певна: бракъ любви христіаньской. Изъ стороны нашихъ можь справдити предрозсудокъ, нетактовнôсть, гордôсть и подлôсть, недостатокъ благородныхъ и высшихъ побудокъ въ поступованю; все тое зъ часомъ пояснимо, ствердимо; зъ стороны же нашихъ братей Поляковъ обща нещирôсть, двозначна приклоннôсть, консеквентное презрѣнье, излишна, вредна, надъ нами опѣка, пристрастнѝ частѝ о насъ клеветы.

Кто выноватый въ значной части, що нашѝ дѣла не относятъ желаемого успѣха у нашихъ найвысшихъ властей въ Римѣ и Вѣдни? Кто не знаючи нашого обряда и его духа пôдсувае намъ постоянно противнѝ церквѣ и державѣ стремленя? Кто представляе насъ у св. Престола, голоситъ въ своихъ часописяхъ яко еретикôвъ, шизматикôвъ, москалефилôвъ — и прочое dulce usque ad infinitum — кто, якъ не нашѝ братя Поляки? Досить есть перечитати кронику послѣдныхъ чиселъ Przeglądu lwowskiego (пр. poszyt IX. t. r. str. 588.) щобы дознатися о появленюся у „ruteńców, obydnej herezyi“ — о ôтновленю у „świętojurców fałszów bizantyjskich о издаваню pism i świstków содержащихъ wielką ilość szyzmatyckich obłędów“ и розширяню ихъ помежи „rossyjską“ młodzieżą. Наветъ „Сіонъ“, той вообще незлобивый Сіонъ, дѣлае niekorzystne wrażenie, бо онъ не есть на польскій крой, а тымъ самымъ по пониманю Przeglądów — не есть католическій. Дѣйстно що „nie już Turek, ale nawet sam Moskal“ булбы бôльше вырозумѣлый, мирный, людскій. Много далобыся въ той мѣрѣ сказати. Скажемъ по крайной мѣрѣ где-що. — Не входячи въ цѣль издателя брошурокъ „Посланника сладчайшого Іисуса“, далекѝ ôтъ согласія на тое, що сказано тамъ при кôнци 1 выпуска и въ послѣдныхъ числахъ „Науки“ кажемъ однако въ оборонѣ чести и правды, що черта, ереси, шизмы, лжеученія надана намъ braćmi есть неслушна, неправильна, неправдива. Кто перечитае кромѣ инныхъ авторôвъ римско католическихъ: Muratori-ого въ дѣлѣ: De ingeniorum moderatione in religionis negotio. lib. I. cap. 15. Card. Franzelin-a De div. Traditione et Scriptura Sect. IV. thes. XXII. Veranio-го Regulam catholicae fidei §§. I—IV. Hurter-a Comp. theol. dogm. t. I. Sectia III., tom II. thesim. 152. признасть намъ слушнôсть — но чи ся исправитъ — Ipse viderit.

Тôлько невѣжество або зла воля може такъ безпощадно когось безчестити, правдивый христіанинъ певно зъ засады николи легкодушно не кине вину ереси на свого ближнёго. Тое могутъ здѣлати лише тіи, которыхъ засадою „calumniare audacter.“

Тая засада вытолкуе намъ хиба увагу Przegl. lwow. повторену

послѣ Przegl. katol. a propos перенесеня мощей св. памяти митроп. Яхимовича, що онъ jako biskup na to nie zasługiwał. Katolicyzmowi cerkwi unickiej zadał nie małe ciosy, a krążące o nim powszechne wieści być może, że potwarcze, (неудачна заслона) przedstawiają go nam za człowieka wątpliwej nader gorliwości. Чижь ту не говоритъ человѣкъ послѣдуючій консеквентно повысшой засадѣ?

Есть у насъ законъ обще извѣстный пôдъ именемъ „Конкордіи“. Законъ доселѣ правосильный, одолжающій пôдъ тяжкимъ грѣхомъ и строгими карами до соблюданя приписôвъ якû содержитъ. Но чи кто тыхъ каръ боится? нѣтъ; бо они мало кого досягаютъ, а до совѣсти, где иде рѣчь о вырванье душь зъ сѣтей świętojurców szyzmatyckich, moskalofilów не ма що и покликоватися. Prawo „konkordyi“ już dla nas nie istnieje и мае бути, якъ намъ доносятъ regula practica однои изъ нашихъ галицкихъ лат. консисторій. Въ нашихъ школахъ молодежъ пôдъ нашими очами полонизуеся. Рускû книжки и письма або съ всемъ недопускаютъ або ôтъ часу до часу зносятся. Руска народна исторія заступлена ad nauseam usque польскою; руского языка дитина рѣдко коли услышитъ, — щожь, коли навѣтъ рускû священники рускимъ дѣтямъ — религію выкладаютъ на польскôмъ языцѣ? По чому такъ? По тому, що у насъ рѣдко кто держится засады высказаной св. Григоріемъ Богословомъ „тая есть всякого духовного начальства цѣль, занехавши собственну пользу — о добро инныхъ старатися (Бесѣд. о бѣгствѣ ч. 54); потому що мале число у насъ правдивыхъ священникôвъ, — священникôвъ перенятыхъ искренно духомъ католическимъ, дбаючихъ о чистоту восточныхъ обрядôвъ, попираючихъ по силамъ всюды и всегда чинно, вытревало, съ посвященьемъ дѣла руской церкви а тымъ самымъ и руского народа.

Auri sacra fames quid non mortalia pectora cogis? Для собственныхъ цѣлей многû готовû обще посвятити добро. Если будутъ у насъ единицѣ образованû, благороднû, безинтересовнû; — будутъ священники съ правдивымъ посвященьемъ для народа, и тіи едниницѣ, тіи священники получатся въ одну цѣлôсть начнутъ жити и дѣлати согласно, совокупно, ростропно, мудро — то и у насъ буде бôльше мира, ладу, благополучія, и сосѣды будутъ насъ бôльше любити, почитати, потребовати. Всякое исправленье нужно ôтъ себе зачати. У насъ много есть въ тôмъ взглядѣ до дѣланя — отже „сокиру до кореня“, а — dimidium habet, qui bene cepit.

Пôдчасъ коли всё лучится въ общества, скупляеся зачавши ôтъ найнизшихъ выробникôвъ ажь до найславнѣйшихъ людей — общества чисто клирикального у насъ нѣтъ. Въ инныхъ краяхъ н. пр. Италіи, Франціи, Белгіи множество церковныхъ академій, собраній (congregationes), товариствъ (societates), где члены на внутрь взаимно пôдъ взглядомъ умысловымъ и нравственнымъ усовершаются, и на внѣ получеными силами успѣшну ведутъ борбу съ вспôльнымъ ворогомъ. Що жіемо посередъ вспôльныхъ ворогôвъ, то кождый чуе, подаймо си руки — „а братъ пособствуемый братомъ якъ градъ огражденый“ — мы побѣдимъ. Чи будемъ мы колись такъ щасливû записати нашу гадку яко осуществлену? По Бозѣ ôтъ насъ то зависитъ.

ДУБОВЫЙ КРЕСТЪ.

(*А. Тороньскій.*)

IV.

(Конецъ.)

Не було тôлько двохъ сынôвъ, одинъ зъ нихъ служитъ въ вôйску, а о однôмъ уже ôтъ кôлькохъ лѣтъ чутки нѣтъ. Одна сестра що була молодша Марики померла.

Сонце зайшло за гору, — по горячôмъ дни насталъ пріятный холодный вечеръ. Священникъ зауважалъ, що уже пора вертати домôвъ и просилъ молоде паньство до себе. „А вы, коли маете часъ, отпровадьте насъ“ отозвался до родичей. Заразъ Настя кинулась до коморы, взяла що лучшу спôдничку и хустку на себе, швець затягнулъ капоту, въ котрôй звыкъ було ходити до церкви; але въ тôй скорости забулъ зняти зъ себе фартухъ засмоленый, — що ажь Настя оглянувши ся, посварила на него, але вже не пора було здôймати, бо були уже середъ села. Ишли пѣше. Напередъ Марика съ матерію, за ними Петро со священикомъ и его сыномъ, а въ третôмъ рядѣ швець съ сыномъ, невѣсткою и донькою. Такъ ишли всѣ ажь до помешканя священика. По дорозѣ люди, и паньство зъ коморы и ревизоры, и кождый, кто стрѣтился по дорозѣ мало очій не выдивили на таку процесію, — одинъ другого допытуе, що то за панѣ съ шевчихою по переду, а що то за панъ съ священникомъ за ними, — и чого швець въ капотѣ убраный, якъ бы на празникъ иде за панями? Але скоро догадалися, що то донька, бо вже чули о нѣй, и кожде велике и мале, паньство и хлопство похваляло дуже Марику и еѣ мужа, що такй богатй, а не стыдаются бѣдныхъ своихъ родичей.

Священника помешканье не лежало при самôмъ гостинци; — треба було кусничокъ зъ дороги зôйти въ улицю. При скрутѣ зъ гостинця въ улицю стояла корчма, где звыкло фурманы заѣжджали, если имъ попасъ, або нôчлѣгъ въ тôмъ селѣ выпалъ. Коли наше товариство ту корчму минало, выбѣгае арендарь и кричитъ: „пане майстеръ! пане майстеръ!“ кричитъ за шевцемъ и хватае его за рамя: „якійсь молодый панъ за Вами допытуеся.“ „Чого хоче“ — каже швець — „я теперь не маю часу“. Але за жидомъ выйшолъ вже и той панъ. „Отъ тутъ той панъ“ — каже жидъ показуючи на пана — „а то панъ майстеръ Шило, тутешній шевць“ знова показуючи на шевця. Обернулся Шило, — передъ нимъ незнакомый паничь якихъ двайцяти лѣтъ. „Чи не пôзнаете? — каже сей паничь — „я Атанаско Вашь сынъ“. Бувъ то той сынъ, котрого швець уже одинайцять лѣтъ не видѣлъ. Швець остолпѣлъ. „Святъ! святъ! святъ! Атанаско? А то ôтки?“ — прорекъ по хвильцѣ швець. „Такъ есть. Я Вашь Атанаско прійшолъ подивитися, чи вы ще жіете, и якъ Вамъ поводится?“ ôтвѣтилъ сынъ и привитались сердечно. „А мати, чи здорова?“ — „Онде мати съ Марисею на передѣ, ходѣмъ скоро за ними?“ — „Менѣ треба напередъ ще съ Фурою розчитатися, та и рѣчи свои гдесь умѣстити“ отвѣтилъ Атана-

ско. — И пôшли оба съ отцемъ до гостинницѣ, щобы съ фурманомъ и рѣчами зробити ладъ. Фурманови уплатили, а рѣчи дали знакомому арендареви на схованокъ.

Тымчасомъ священникъ своихъ гôстей запровадилъ до своего дому, где его жена съ доньками уже ихъ выглядали. „А где жь затримался старый?“ каже Настя на своего мужа, видячи, що ани его ани сына старшого нѣтъ. Тогды ажь спостерегли всѣ, що нѣтъ шевця ани сына. Священникъ гадалъ, що они зôстали на дворѣ, не смѣючи вôйти въ кôмнату, — казалъ ихъ закликати, но на дворѣ ихъ не було. Ажь по хвильцѣ входитъ швець съ старшимъ сыномъ и другимъ незнакомымъ паничемъ. Невѣстка отойшла домôвъ вечерю варити, а донька Юстина такожь на свою службу, щобы панѣ не гнѣвалася. Всѣ звернули очи на молодого незнакомого панича, ажь швець выбавилъ ихъ зъ непевности: „По дорозѣ давъ менѣ Богъ найти еще одну дитину, о котрôй мы гадали, що пропала. Се Атанаско нашъ.“ Вжежь не будемъ описовати першихъ хвиль привитаня, — бо тѝ можемъ собѣ представити въ мысли. Першій вопросъ всѣхъ до Атанаса бувъ той: „Где онъ бувалъ черезъ той часъ и що порабляе?“

„Я — каже Атанасъ — попращавшись съ Вами мои любезнѝ родичи, и взявши ôтъ Васъ десять срѣбныхъ цванцигерôвъ, заѣхалъ съ фурманами до Перемышля. Черезъ дорогу выдалъ я одного цванцигера. Въ Перемышли сталъ я ходити помѣжь священиками, чи бы мене котрый не принялъ на службу такъ, щобымъ мôгъ до школы ходити. Удалося менѣ найти мѣстце у одного старого крилошанина. Не много я тамъ малъ роботы. Досыть, що я мôгъ ходити до школы. Заразъ купилъ я собѣ потрѣбнѝ книжки, паперу и перъ за тѝ цванцигеры, що менѣ родичи дали, а три сорокôвцѣ съ матерію Божою еще маю до теперь и тримаю яко дорогоцѣнну памятку, бо здается менѣ, що съ ними и родительске благословенье при мнѣ пробувае. Я скôнчилъ двѣ клясы нѣмецкѝ, и перейшолъ до латиньскихъ. Старенькій крилошанинъ любилъ мене, и неразъ вечерами бувало покличе мене до себе и пытае: що маешь задано на лекцію? — каже собѣ показати мои лекціи, и выясняе менѣ. Але щожь, я скôнчилъ другу латиньску клясу, а крылошанинъ умеръ. Но менѣ пощастилося найти лекцію, и ôтъ того часу я утримувался зъ лекцій ажь правѣ до теперь. Я скôнчилъ гимназію, потомъ философію, а такъ приняли мя до семинаріи во Львовѣ, и я скôнчилъ першій рôкъ богословія.“ На доказъ реченого, показалъ свои свѣдоцтва. — „Я писалъ до Васъ мои родичи листъ одинъ и другій — але не дôставши жадного отвѣта, я не зналъ, що съ Вами дѣеся, та вже и пересталъ до Васъ писати.“ — „Мы не дôстали жадного листу“ — отвѣчали обое родичи. — „Може бути що я зле заадресовалъ, бо где я зналъ, якъ адресовати?“ казалъ Атанасъ. — „Не разъ я выходилъ — говоритъ ôнъ дальше — на мѣсто, чи не побачу якихъ фурманôвъ зъ нашого села, але не пощастилось менѣ подыбати жадного. Бачилъ я людій зъ сусѣдныхъ селъ, пыталъ за васъ, але никто не зналъ менѣ о Васъ ничого сказати. Неразъ я намѣрялъ пріѣхати тутъ на празнины, — але задля лекцій не мôгъ, бо, колибымь бувъ покинулъ лекціи на празнины, бувбымъ и по празнинахъ ихъ не малъ, бо бувбы другій навинулся на мое мѣстце. Теперь я вже вôль-

ный ôтъ лекцій, понеже въ семинаріи маю удержанье, а прото я постановилъ собѣ заразъ по испытахъ приѣхати до мого родимого мѣстця, и або найти Васъ ще живыхъ, або помолитися на Вашôмъ гробѣ.“

Такъ оповѣдалъ Атанасъ, отець и мати зъ радости плакали, а за ними и Марика собѣ и жена священника собѣ. А и самъ священникъ прослезился, приступилъ къ Атанасови, поцѣловалъ его въ голову, та и каже: „Богъ най благословитъ тя моя дѣтино, за твое добре сынôвске сердце“; — а до шевця и его жены обертаючися: „Щасливі̂ вы нынѣ, щасливші̂ надъ всѣ князѣ, такі̂ дѣти, то дорожші̂ надъ всѣ скарбы свѣта.“

„Панъ Отче! — каже швець — то вже Божа ласка. Богу треба за все то подяковати. Длятого прошу, будьте ласкаві̂ завтра службу Божу отправити за благодаренье за его ласки намъ оказані̂. — А по службѣ прошу всѣхъ якъ ту есьмо до себе на обѣдъ.“

Священникъ пирѣкъ на другій день о осмôй годинѣ рано отправити спѣвану службу Божу, на котрôй цѣла родина шевця бути мала. Швець и шевчиха попращалися и пôйшли домôвъ, бо уже совсѣмъ змерклося, съ ними пôшли оба сыны. Атанаса взялъ до себе на нôчь старшій братъ Ивась.

Коли обое Настя съ чоловѣкомъ домôвъ вертали, каже Настя до мужа: „Ты неразъ такъ зробишь, що ненабивши выстрѣлишь. Запросилъ есь завтра на обѣдъ, а не погадавъ объ тôмъ, чи буде зъ чого зробити. Щожь дашь па обѣдъ?“

„Отъ маешь курята дома, а я скочу на границю до жида, — маю тамъ пару крайцарôвъ, та принесу вина и якого мяса, та буде обѣдъ!“

„Що ты говоришь — каже Настя — курята еще не до рѣзаня, а у жида зайшовъ шабасъ, та и ничого не дôстанешь. Ани хлѣба, ани муки, ничого разъ нѣтъ, и зъ чогожь буде обѣдъ?“

Швець не мôгъ цѣлу нôчь спати зъ журбы, що буде зъ завтрѣшнымъ обѣдомъ? Ще на бѣду треба буде перепросити свои гостѣ, але того стыду не хотѣлъ собѣ робити. Настя тежь собѣ журилася. Мала она двѣ старі̂ курки, що неслися, вже бы ихъ не жаловала, але щожь то значитъ двѣ курки? — Журилась, журилась, а далѣ и заснула. Ще сонѣнко не озолотило своими лучами вершинъ гôръ, — ще пастухи не повыганяли овець зъ кошаръ, — а швець вже поспѣшалъ на границю. Може бувбы и не допукался до жида, колибъ тамъ не ночовали були фурманы, що ѣхали по вино на Угры, — тіи збудили арендаря, бо досвѣта выѣхали. Якъ сталъ Мошка швець просити, такъ и казалъ сей слузѣ дати шевцеви барылку вина, и ще половину кугля му подаровалъ, якъ почулъ клопôтъ шевця, — а грошей не бралъ, бо власне потребовала жѣнка черевикôвъ, котрі̂ швець обѣцялъ якъ найскорше зробити. — Ще Настя не вставала, а швець бувъ уже дома. Кобы еще свѣжого масла, була бы вже перекуска; — але що буде съ обѣдомъ? — Встала и жѣнка, давай куры рѣзати и скубати, але всего того мало. — Ажь тутъ иде ктось дорогою, та до шевця звертае. Була то слуга зо двора. Почувши, що до шевця приѣхала донька, панѣ ще зъ вечера наладовала и заразъ рано ôтнести приказала два бохонки бѣлого хлѣба, оселку свѣжого масла, бryндзѣ въ мысочцѣ и

чертку баранины. — Швець ажь пôдскочилъ зъ радости! Отъ уже обѣдъ. — За хвильку прибѣгла и донька Юстина, и принесла ôтъ панѣ, где служила, кавы, цукру, муки и свѣжо упечену булку, съ тою потѣшною вѣстію, що панѣ позволила ѣй сей цѣлый день пробути у родичей. Побѣгъ швець помежи паньство за починьемъ, скочилъ и по одну жѣнку, що розумѣлася на вареню, дôсталъ за гроши межи людьми еще трое курятъ, — и нимъ зазвонили до церкви на схôдъ, уже було все готове до обѣду.

Вже того не будемъ оповѣдати, якъ щиро молилася родина вся въ церкви, якъ зъ сердця дяковалъ швець Богу за тôльки ласки ему оказанй, — якъ сердечно угощалася вся родина у родичей, хоть бѣдныхъ але честныхъ и праведныхъ.

Марика хотѣла взяти родичей до себе, але они не хотѣли опустити своеи хаты: „якъ жили ми за молоду, такъ будемъ и до смерти. Не були мы панами за молоду, годѣ бути ними на старôсть. Межи панами треба бути паномъ, а мы того не вмѣемо, а що швець мае робити межи панами?“ — говорили они. — Хотѣла Марика взяти до себе Юстину сестру, але старшій братъ отрадилъ: „Теперь ѣй вже за пôзно учитися, — ѣй пора за мужь ити. Панею вже не буде, бо за пôзно, а закоштовавши лѣпшого житя, потôмъ не схоче бути ремѣсничкою або газдынею на грунтѣ. Абожь то всѣ маютъ бути панами? Чи доброму господареви або ремѣсникови зле? Мѣсто велике може бути для неи тôлько згубою. Я щасливый на грунтѣ и задозоленый тымъ, що менѣ Богъ дае, — то и она най зôстае въ тôмъ станѣ, въ котрôмъ взросла.“

И дѣйстно всѣ найшли той совѣтъ старшого брата мудрымъ. „Колижь такъ, — каже Марика — то нехай Юстина зôйде зо службы, най помагае матери, а я буду вамъ допомагати, щобысьте на старôсть жили безъ клопоту и журбы.“

Въ журбѣ и смутку влекутся часы и дни поволи, що годѣ дôждати ся кôнця, за то въ радости и щастю скоро улѣтаютъ годины, дни и цѣлй роки. Скоро проминули дни радости нашôй родинѣ, прійшла хвиля пращаня. Розставано ся со слезами, однакожь въ той надѣи, що скорше чи пôзнѣйше знову побачатся. Съ адвокатами Чомеями поѣхалъ такожь Володимиръ сынъ священника, понеже ще на весѣлю ихъ сподобалъ було собѣ доньку священика Чомея, а стрыечну сестру Петра, и не мôгъ о нѣй забути. Помѣтивши то Марика, намовила его ѣхати съ ними. За кôлька мѣсяцѣвъ було весѣлье, на котре родичи Володимира ѣхали, а съ ними поѣхала такожь и мати Марики, щобы побачити обôйстье доньки, — и такожь съ ними назадъ вернула.

Почувши, що Юстина мае богату сестру, парубки зачали посылати до неи старостôвъ. Найбôльше добивалися молодый ковальчикъ и стельмахъ. Коваль булъ неговазьный, смирный и трудящій, научился ковальства при отци, а понеже отець бувъ старенькій, то ôнъ самъ провадилъ ремесло. Стельмахъ же недавно зайшолъ ôткись въ то село, булъ парубокъ моторный и жвавый гуляка. Юстина сподобала собѣ стельмаха, коваль ѣй неподобался за то, що маломовный и чорнй руки мае. Але батько радилъ ити за коваля, бо той бувъ тверезый и трудящій и мавъ батькôвску хату и кусень поля а о стельмаху говорили,

що гуляка, любитъ напивати и не мае ничого. Але Юстина не дала собѣ и мовити о ковалю. Ажь ось разъ въ якесь то свято забавилась була Юстина до пôзна у тыхъ паньства, где перeжде служила, бо панѣ еѣ до чогось потребовала, — и батько пôйшолъ за нею, щобы не боялась нôчью ити домôвъ. Идутъ они попри корчму, — ажь тамъ крикъ, — станули, дивятся черезъ окно, — а тамъ стельмахъ пяный роспочинае бôйку съ урлопникомъ, але сей сильнѣйшій, якъ завине стельмахомъ, та объ землю, ще и ногою копнулъ. Зôрвался стельмахъ зъ землѣ, и знову береся до бôйки съ урлопникомъ; — але сей взявши за ковнѣръ, выкинулъ го черезъ двери на двôръ, що ажь на плечи въ калужу упалъ. — „Диви ся — каже швець до доньки — то твôй женыхъ.“ Юстина заполонѣлась, мовьбы ю жаромъ обсыпалъ, застыдалася, и на всегда отвернулося еѣ сердце ôтъ стельмаха. Не о долго була она ковалевою жѣнкою. — А що то за красна молодиця, що за поважна ремѣсничка була! А яка щаслива! Бувало, коли въ недѣлю по полудни обое съ мужемъ заберутся и до родичей гостинцемъ идутъ, всѣхъ очи на себе звертаютъ, бо и коваль оженившись, при такôй жѣнцѣ сталъ чепурнѣйшій.

Атанасъ ôтъ теперь кождыхъ празникъ приѣздилъ до своихъ родичей. Що недѣлѣ бувавъ въ церкви, спѣвалъ въ крылосѣ, а по богослуженю булъ звыклымъ гостемъ священника. Тымъ часомъ дорастала донька священника, хорошенька псотничка, котра Атанасови рôжнй псоты платала. Але тй псоты такъ полюбилъ Атанасъ, що, коли часами споважнѣе и спокôйно сидитъ при якôй роботѣ, — ôнъ засумуеся, и пôдôйде до неи пытаючися: „Чи Вы слабй, що такъ посумнѣли?“ А Наталя мовьбы на перекôръ Атанасови поважна и спокôйна, а сей сумуе, бо ему здаеся, що она на него гнѣваеся. Алежь бо Наталя съ кождымъ рокомъ була поважнѣйша, а коли Атанасъ по укôнченю четвертого року богословія пріѣхалъ, то она вже була совсѣмъ поважна, стыдлива, и ни однои псоты булабы не зробила Атанасови.

Атанасъ любилъ псотничку Наталю, — любилъ поважну, тôлько що до псотнички бувъ смѣлѣйшій, нежели до поважнои. Онъ бувбы радъ, щобы она була еще и теперь псотничкою. Але и Наталя була бы не творила псоты Атанасови, колибъ не чула до него якогось потягу, булабъ не була теперь такъ поважною и стыдливою, колибъ була не чула привязаня до Атанаса. — Досыть, що за якійсь часъ ôтбулося вѣнчанье Атанаса съ Наталією. На весѣлю послѣдній разъ цѣла родина шевця Шила була разомъ зôбрана.

Въ кôлька тыжнѣвъ по сѣмъ Атанасъ стиснулъ головы своимъ родичамъ. То була послѣдня радôсть, якои дôждала Настя, понеже кашель, котрый томилъ ю ôтъ кôлькохъ лѣтъ, взмагался чимразъ бôльше — и она умерла.

По похоронѣ швець не мôгъ убутися въ хатѣ. Прійде до хаты, самъ одинъ, нѣтъ жѣнки, нѣтъ до кого проговорити, — заплаче, тай чимъ скорше зъ хаты, замкне двери на колодку и иде до сына, або до доньки, и тамъ плаче, що сирота. „Нѣтъ тату, вы не сирота, спровадьтеся до насъ, мы васъ будемъ доглядати“, говорятъ дѣти. Але старый не хоче ити на ласку до дѣтей. — На конець такъ урадили, що хату шевцеву розôбрали, и прибудовали зъ неи кôмнату до хаты

сыно̂вскои. Въ то̂й комнатѣ замешкалъ швець, — а на мѣстци старои хаты поставили сей добовый крестъ, на котро̂мъ зъ однои стороны дали написъ: „Кто съ Богомъ, Богъ зъ нимъ“, а зъ другои: „Трудись и молись, а Богъ тя не опуститъ.“ — Той крестъ обсадили молодыми смеречками, котрѝ вже такъ по̂дросли.

Не довго по смерти жѣнки жилъ. Туживъ, туживъ за нею, та щось до року и умеръ.

На похоронѣ були всѣ дѣти. — А я — каже дѣдъ — служивъ, служивъ по газдахъ, ажь поки не скалѣчалъ на ногу. На похоронѣ каже менѣ панѣ, се есть донька шевця, тая зъ Угоръ: пильнуйте менѣ сихъ смеречко̂въ и дозирайте, щобы кто не ушкодилъ ихъ, або креста, и молѣтся за душу моихъ родичей а я вамъ то вынагороджу. И такъ я до нынѣ дозираю тутъ того мѣстця. Я подливалъ молодѝ смереки водицею зъ тои керницѣ, насажовалъ новѝ на мѣсце зосхлыхъ, и сижу по̂дъ крестомъ и молюся за усопшихъ, що жили въ хатѣ на то̂мъ мѣстци. За то маю обѣдъ и вечерю у сына шевцевого, що есть господаремъ, а панѣ, его сестра платитъ ему за то.

Така історія дубового креста, и такъ оповѣдалъ ю старый дѣдъ.

Чи въ суботу Лазареву и недѣлю цвѣтну есть по̂сть?

(А. Тороньскій.)

Четырдесятниця по̂сля нашого обряду зачинаеся съ понедѣлкомъ первои недѣлѣ великого посту (т. е. въ понедѣлокъ наступаючій по недѣли сыропустно̂й) и ко̂нчится съ пятницею шестои недѣли (т. е. передъ суботою Лазаревою), якъ то выражаеся въ стихири на вечерни въ туюжь пятницю: *Душеполезную совершивши четырдесятницу, и святую седмицу смерти Твоея просимъ видѣти человѣколюбче...*

Четырдесятниця (т. е. 40 дней великого посту) есть временемъ покаяня и строгого посту. То̂лько въ суботы и недѣлѣ по̂стъ гдещо ослабляеся, якъ то уже зъ того видно, що въ тіи дни правится св. Литургія и поклоны не бываютъ. Причина лежитъ въ то̂мъ, що недѣля есть радостного памятного воскресеня Христового, а суботу христіане въ первыхъ вѣкахъ на востоцѣ такожь святковали въ памятку сотвореня свѣта.

Съ понедѣлкомъ зновь наступаючимъ по цвѣтно̂й недѣлѣ зачинаеся велика або страстна седмиця, получена съ строгимъ постомъ и посвящена вспоминаню св. страстей Господныхъ, якъ то выражае стихира на стиховныхъ вечернѣ въ недѣлю цвѣтну: „*Отъ вѣтій и ваій, яко отъ божественна праздника, въ божественный прешедше праздникъ къ честному Христовыхъ страстій, вѣрніи, стецѣмся таинству спасительному, и Сего видимъ за насъ страсть терпяща вольную...*“ Страстный тыждень уже не належитъ до Четырдесятницѣ, и по̂стъ сего тыждня есть то по̂стъ въ честь св. страстей Господнихъ, инный анежели постъ Четырдесятныцѣ.

Межи тыми двома постами стоятъ два дни посвященѝ радостнымъ

вспоминанямъ, т. е. субота Лазарева и недѣля цвѣтна. Въ Лазареву суботу воспоминаеся воскресенье Лазаря, яко праобразъ Христового воскресеня и запевненье нашого изъ мертвыхъ воскресеня и побѣды надъ смертію. Выражае то н. пр. Тропарь: *Общее воскресеніе, прежде Твоея страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря Христе Боже. Тѣмже и мы яко отроци побѣды знаменія носяще, Тебѣ побѣдителю смерти вопіемъ...* Въ недѣлю цвѣтну зновь такожь споминаеся то само воскресенье, и торжественный въѣздъ Іисуса Христа зъ горы Елеонъ въ Іерусалимъ. — Оба тй дни, особливожь недѣлю цвѣтну празнуе церковь торжественно и съ радостію, съ веселими пѣснями якъ выражае н. п. въ 9 пѣсни Утреннёго Канона: *Богъ Господь и явися намъ, составите праздникъ, и веселящеся пріидите, возвеличимъ Христа, съ ваіами и вѣтвми, пѣсньми зовуще: Благословенъ грядый въ имя Господа Спаса нашего* — и уживае свѣтлыхъ ризъ.

Коли все то зважимъ и порôвнаемъ, насуваеся намъ вопросъ: Чи въ суботу Лазареву и въ недѣлю цвѣтну есть пôстъ? Пôсля высше реченого здаеся, що въ тй два дни нѣтъ посту, — понеже они не належатъ ани до Четырдесятницѣ, ани до старастнои седмицѣ, не суть днями покаяня, ани не споминаются въ тіи же страсти Христовй, — противно суть посвященй памятцѣ радостныхъ событій. — Есть то на кождый случай цѣкавый вопросъ, и достойный, щобы надъ нимъ основнѣйше застановитися.

ВѢСТИ ЕПАРХІЯЛЬНИ.

Изъ Аепархіи Львôвскои.

Институцію кан. получили Всч. ОО.: Владиміръ Мартинкôвъ на прих. Сколе; Іоанъ Левицкій на кап. Жизномиръ; Корнилій Монцѣбовичъ на кап. Вертелка.

Введенй въ душпастырство Всч. ОО.: Порфирій Ступницкій яко завѣд. Долгого; Маркіилъ Сѣрецкій яко завѣд. Корнича; Іоанъ Любовичъ яко ехроп. сотрудн. въ Свидовôй; Іоанъ Пиндусъ яко завѣдат. Нѣвочина.

Душпастырскй посады получили Всч. ОО.: Юстинъ Дворянинъ завѣдат. Кошиловецъ; І. Бѣлинкевичъ сотр. въ Толмачику.

Упокоился Всч. О. Андрей Грабовичъ, высл. деканъ Збаражскій и Тернопôльскій, совѣтн. митр. конс. и прих. въ Лубянкахъ нижныхъ, дня 22. мая с. р. на 87 р. жизни а 60 р. священьства. — Вѣчная ему Память.

На конкурсъ розписанй: 1. прих. *Будилôвъ* дек. Снят. над. прив. съ реч. до 24. Липня с. р. дот. 70 м. орн. 30 м. сѣн. и 99 зр. 36 кр.; 2. прих. *Борки малй* дек. Скалат. над. прив. дот. 143 орн. 1 м. сѣн. и 141 зр. 36 кр.; 3) прих. *Гринôвцѣ* дек. Толмац. над. прив. дот. 45 ор. 23 сѣн. и 214 зр. 55 кр.; 4) прих. *Шляхтинцѣ* дек. Терноп. над. пр. дот. 81 орн. 4 сѣн. и 137 зр. 6 кр.; 5) прих. *Мартиновъ новый* дек. Журав. над. прив. дот. 100 орн. 51 сѣн. и 84 зр.; 6) прих. *Тязôвъ* дек.

Галиц. над. прив. дот. 64 орн. 32 сѣн. 219 зр. 11 кр.; — всѣ пять съ реч. до 5. серпня с. р.; 7) прих. *Коржеличи* дек. Нараев. над. прив. дот. 46 орн. и 66 зр. 89 кр.; 8) прих. *Озеряны* дек. Скальск. над. прив. дот. 88 орн. 188 зр. и 42 кр.; 9) прих. *Тростянецъ* дек. Болех. над. цар. дот. 22 орн. 21 сѣн. и 270 зр. 15 кр.; 10) прих. *Сушно* дек. Холоев. над. прив. дот. 77 орн. 17 сѣн. и 92 зр. 27 кр.; 11) кап. *Тростянецъ малый* дек. Золоч. над. прив. дот. 95 орн. 37 сѣн. 4 зр. 98 кр.; 12) прих. *Тысмяниця* дек. Тысмян. над. прив. дот. 91 орн. 192 сѣн. 13) прих. *Пôдгайчики* дек. Унев. над. прив. дот. 44 орн. 8 сѣн. и 203 зр. 25 кр.; — всѣ сѣмь съ реч. до 12 серпня с. р.; 14) прих. *Ушковичи* дек. Унев. над. прив. дот. 58 орн. 23 сѣн. 117 зр. 55 кр.; 15) прих. *Бабинцѣ* дек. Кудринец. над. прив. дот. 44 орн. 1 сѣн. и 224 зр. 68 кр.; 16) прих. *Руда* дек. Стрый. над. прив. дот. 11 орн. 4 сѣн. 212 зр. 68 кр.; — всѣ три съ реч. до 19 серпня с. р.

Испытъ конкурсовый. Ч. 4894.

Всеч. урядъ деканальный завѣдомитъ всеч. духовенсто свого деканата, що речинецъ къ испыту конкурсовому парохіальному *опредѣляется на дни 29. и 37. н. с. Червня 1880,* щобы всѣ хотячй ся пôддати сему испыту свои прошеня найдальше до 16. Чер. с. р. посредствомъ уряда деканального митр. конcисторіи въ способъ уже курендою сказаный предложили, и съ дотычнымъ рѣшеньемъ къ испыту явилися. Испытъ начнеся о 8. год. дня 29. Чер. с. р. въ салѣ конcисторской о которôмъ часѣ всѣ явитися маютъ къ письменному испыту ведля уставы о испытахъ конкурсовыхъ.

Львôвъ дня 20. мая 1880.

Зъ Епархіи Перемыскои:

Именованъ Всч. О. Александеръ Сембратовичъ прих. въ Новôмъ селѣ II. *мѣстодек. дек. Любачевского.*

Институцію канон. получили: Всч. ОО.: Іеронимъ Куновскій на прих. Бандрôвъ дек. Устриц.; Александеръ Щулякевичъ на прих. Бôбрка дек. Лиского.

Душпастырскй посады получили: Всч. СО.: Петръ Тустановичъ прив. сотрудничество въ Трôйци дек. Добромил.; Викторъ Крвавичъ завѣдательство Старого Яжева дек. Яворов.; Корнилій Грушкевичъ сотруднич. въ Радымнѣ; новопоставл. пресв. Маркилій Куновскій сотруднич. въ Бôтли дек. Высочаньского; новопоставл. пресв. Емилій Юрчакевичъ сотруд. въ Фульштинѣ.

Упокоился Всч. О. Антоній Пашкевичъ прих. въ Стар. Яжевѣ дек. Яворôв. — Вѣчная ему память!

На конкурсъ выставлена посада *Хартофилакса Епископского Собора Крылошанъ* съ рочною платнею 840 зр. речинецъ 6 недѣль.

НОВИНКИ.

— На дняхъ 18. 19. 20. Мая т. р. ôтбулося загальное собранье Вси. ôтпоручникôвъ деканальныхъ Архіеп. Львôвскои въ справѣ фонда вдовичо-сиротиньского пôдъ предсѣдательствомъ Преосв. Епископа киръ Сильвестра. О $^1/_2$ 8 год. ôтправили Ихъ Преосв. Службу Божу по котрôй зачалися засѣданя въ сали консисторской о 9 год. По вписѣ Вси. ôтпоручникôвъ на приготованôмъ до того паперѣ ôткрыли Ихъ Преосв. засѣданье краснорѣчивою промовою, въ котрû высказали высоку цѣль теперѣшного собраня, именно, щобы исполнити одно найбôльше дѣло любви христіаньскои — подати руку помочи въ нуждѣ проживаючимъ вдовамъ и сиротамъ священническимъ; дальше оповѣли коротенько исторію тогожь заведеня, и теплыми словами загрѣвали до щирого занятяся тою справою, щобы той фондъ мôгъ свою призначену цѣль осягнути. По ôтчитаню справозданя дѣятельности комисіи управляючои фондомъ и справозданя касового приступили до выбору комисіи шконтруючой и петиційнôй (по 3 членôвъ до кождои), а потôмъ зачалися обрады надъ статутами выроблеными Вси. О. Ев. Меруновичомъ и одобреными Вси. анкетою, котрû то обрады продовжалися черезъ всѣ три дни, и скôнчилися на тôмъ, що въ половинѣ зôставъ статутъ перерваный для недостатка часу и ухвалено въ другой половинѣ Жовтня скликати знова собранье для окôнченя тыхъ обрадъ. Причиною, що собранье не перейшло цѣлый статутъ, есть по бôльшôй части короткій часъ, якій для собраня бувъ призначеный (лише 3 дни) а справа, якъ уложенье статута есть такъ важною, що абы тойже основно розсмотрѣти, потребуе глубшого и довшого застановленяся, тымъ бôльше, що многû зъ Вси. ôтпоручникôвъ даже не перечитали собѣ передъ тымъ проектъ статута, хотяй бувъ и по деканатахъ розôсланый и въ Сіонѣ помѣщеный. Надѣемся, що по крайной мѣрѣ теперь, маючи 5 мѣсяцѣвъ часу нашû Вси. ôтпоручники неприготованû на собраню будучôмъ не явятся, и непотребными и на ничимъ неузасаднеными бесѣдами часъ теряти не будутъ.

Ухвалило такожь собранье дати вдовицямъ и сиротамъ за р. 1879 запомогу по 50 зр., касіерови и контролерови ремунераціи и то першому 400 зр. а другому 200 зр. рôчно. Для недостатку грошей къ розпорядимости ухвалено не давати ніякихъ запомогъ надзвычайныхъ.

Выдае и отвѣчае за редакцію: *Александеръ Бачиньскій.*

Зъ друкарнѣ Товариства имени „Шевченка“ — пôдъ зарядомъ К. Беднарского.